БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ XIX и XX В.
Выпуск IV.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ПОДПОЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ И ТАЙНОГО КРУЖКА ВЛАДИМИРСКОЙ СЕМИНАРИИ.

ЗАПИСКИ Н. Л. СКАЛОЗУБОВА О ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ,

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Издание Костромского Научного Общества по изучению местного края.

КОСТРОМА.
Р. В. Ц. Школа Печатного Производства. Тираж 1000 экз
1921.

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ XIX и XX В.
Выпуск IV.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ПОДПОЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ И ТАЙНОГО КРУЖКА ВЛАДИМИРСКОЙ СЕМИНАРИИ.

ЗАПИСКИ Н. Л. СКАЛОЗУБОВА О ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ,

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Издание Костромского Научного Общества по изучению местного края.

Р. В. Ц.

КОСТРОМА.
Школа Печатного Производства.
1921.

Тираж 1000 экз.

Из материалов по истории подпольной библиотеки и тайного кружка Владимирской семинарии.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемые вниманию материалы по истории тайной библиотеки и кружка Владимирской семинарии сохранились в копии, снятой в 1901 г. с рукописи, носившей заглавие «Записки по педагогике дла воспитанников семинарии». Может быть, автор «Записок» хотел этим заголовком скрыть настоящее содержание рукописи в виду частых обысков и осмотров книг и тетрадей воспитанников семинарии. Однако, это не спасло оригинал рукописи от конфискации его в 1901 г. «Записки» составлены были, повидимому, около 1897 года, а потом в 1901 г. дополнены и переработаны самим автором их, Ив. Алексеев. Богословским, в то время уже окончившим семинарию и учившимся в Варшавском Ветеринарном Институте. Первая редакция была короче, здесь меньше была агитационного материала, но был полный устав кружка, лишь отдельные и исправленные параграфы которого встречаем во второй.

«Записки» представляют, прежде всего, любопытный материал по истории б-ки и кружка, просуществовавших сорок слишком лет. Здесь довольно подробно излагаются те моменты их истории, участником и свидетелем которых был автор—это время 90-х годов. Но встречаются отдельнные указания на время более раннее, упоминается, между прочим, причастность к б-ке писателя-народника Н. Н. Златовратского, и позднее общественного деятеля и писателя Г. А. Фольборга, проживавшего в ссылке во Владимире от 1887 до 1890 г,

«Различные причины,—говорит автор «Записок,»—обусловливливали то обстоятельство, что даный метериал к истории семинарского кружка и его б-ки очень и очень мал, многие данные и довольно интересные совершенно опущены (напр. 70-е годы да, пожалуй, и время 60-х годов,) не которые составлены очень обще, вообще пробелов в означенном очерке масса». Дела и документы бывшего архива семинарии и Владимирского жандармского архива могут значительно пополнить эти пробелы, а также расшифровать те инициалы и многоточия, которыми обозначены в «Записках» некоторые деятели кружка, пролить более обстоятельный свет на историю «Общего союза об'единениях семинарий», во главе которого стояла Владимирская. Но и «Записки» при всех их недочотах и за вычетом чисто агитационного элемента дают много фактического материала для выяснения этих и других явлений в жизни школы.

Тайный кружок и нелегальная б-ка или, как чаще ее звали на месте, «подпольная» (потомучто она иногда буквально помещалась под полом), играли чрезвычайно большую роль в деле самообразования и политического направления причастных к ним семинаристов. Первое вполне понятно, если примем во внимание, что до 90-х годов оффициальная школьная б-ка семинарии в своем составе не имела ни русских (после Гоголя) ни иностранных новых классиков, ни достаточного количества хороших книг по другим отраслям, особенно по естествознанию и общественном вопросам. За отсутствием других б-к, доступных учащимся, спроса на книги

удовлетворялся только из «подпольной», в своем составе лишь в очень незначительной части состоявшей из запрещенных цензурою книг и брошюр, в большинстве же представлявшей подбор типичной интеллигентской б-ки. С другой стороны, б-ка и кружок воспитывали будущих общественных и революционных деятелей. История русской школы второй половины XIX и начала XX стол. и духовной в частности тесно связана с историей революционного движения. Всякое общественное явление находило чуткое отражение в школе, за стенами который горячо принимались к сердцу общественные вопросы. Тяжелые условия семинарского режима были постоянной почвой для брожения и бунтов, здесь имела успех «нелегальная литература заграничных фирм и издательств, преимущественно рабочих классов, положение которых,—по словам автора «Записок»,—близко напоминало тогдашнее положение семинаристов». Поэтому-то немало горячих голов шло с восторгом отсюда на революционный подвиг.

Являясь ценным материалом по истории кружковщины, «Записки» представляют несомненно любопытный материал и для истории самой школы. Владимирская семинария имеет уже свою прекрасную историю, доведенную до 1869 года (Н. В. Малицкий—История Владимирской духовной семинарии. М. 1900—1902 г.). Будущему историку последних периодов ее существования в главах, посвещенных вопросам взаимоотношений между наставниками и учащимися, настроений последних, вопросам домашних их занятий и т. д.—неизбежно придется обратиться к этому интересному документу, представляющему собой в тоже время редкий обращик семинарской агитационный летературы. В силу этого своего назначения «Записки» сгущают иногда краски, но за то верно достигали своей цели—на собраниях кружка чтение «Записок по педагогике» производило неизменно огромное впечатление.

Необходимо сказать несколько слов о дальнейшей судьбе б-ки и кружка, поскольку нам это известно. Первые признаки упадка б-ки начались с того момента, когда значительно была пополнена оффициальная ученическая б-ка—почему часть книг «подпольной» уже не стала иметь прежнего притягательного значения. Это произошло в конце 90-х годов. В 1901 г. часть б-ки была передана правлением кружка семинарскому начальству при следующих обстоятельствах. Один из учеников VI кл., М. М. Барабанов, попался ректору Евгению за чтением каких-то прокламаций. Ректор, подозревая Б. в причастности к тайной б-ке, поставил ему такое условие—или тот будет уволен из семинарии, или пусть выдаст б-ку. После мучительного обсуждения вопроса решено было пожертвовать частью б-ки, чтобы спасти Б. На менее ценную часть б-ки был спешно составлен каталог, переданный вместе с книгами ректору. За этим вскоре последовал новый удар—только что незадолго пред тем получивший заведывание б-кой и деятельно приступивший к реорганизации кружка ученик IV кл., Г. И. Колоколов, был уволен из семинарии, «по подозрению в участии в делах кружка и б-ки», как ему было заявлено. Техническая сторона библиотечного и кружковского дела, требовавшая большого уменья, риска и напряжения, падала. Некоторое время б-ка и кружок продолжали еще влачить свое существование, когда ею заведывал М. В. Беляев, но после 1906—1907 годов и б-ка и тесно связанный с него кружок как-то сами собою растаяли. Повидимому, изменились общие условия быта и нашлись у учащихся новые интересы, заслонившие от их внимания б-ку и кружок.

Вас. Смирнов.

12 окт. 1912г.

ЗАПИСКИ ПО ПЕДАГОГИКЕ ДЛЯ ВОСПИТАННИКОВ СЕМИНАРИИ.

Педагогика, говорил преподаватель Сервицкий, есть наука как делать детей умными и благонравными. До времени поступления в духовное училище большинство из нас жило среди простого народа. Первые впечатления детства от деревни и от окружающей ее природы оставили во многих из нас глубокие и неизгладимые следы в восприимчивой детской душе. Добрая семья, простая деревенская жизнь, серые люди, безмолвная деревенская нужда, безропотное горе и тихие радости, река, желтеющие нивы, неоглядная ширь полей и неба—таковы наши первые впечатления. Окруженные родною атмосферой, лелеемые любовью близких лиц, мы жили свободною жизнью, не испытывая никакого чувства страха или стеснения перед людьми; мы с полной откровенностью задавали окружающим вопросы по интересующим нас предметам и охотно доверяли им и свое горе и радости. В случае каких либо проступков мы были уверены, что со стороны окружающих услышим не грозный окрик или суровое порицание, не пощечину или подзатыльник, а сердечное увещание, проникнутое искренней любовью; иногда случалось, что нас и наказывали, но наказание было и очень редким явлением и не могло при том же ложиться тяжелым гнетом на наши души. Неся наказание, мы не озлоблялись, не черствели душой и если и плакали, то не из чувства незаслуженной обиды за нанесенную нам несправедливость, а из сознания своей виновности и чувства стыда пред горячо любящими родителями, которых мы огорчили своим поведением. Так шли детские годы. Когда нам минуло 8—10 лет, нас определили в духовное училище. Поступили мы сюда с детски-чистою, можно сказать, святою верою в пользу и добросовестность обучения и воспитания. По свойственной человеческой природе любознательности в детском возрасте мы, тогда дети, с большой охотой, с любовью и энергией приступали к первоначальному обучению, нас завлекала та неведомая нам таинственная область знаний, непроницаемая завеса которой, как мы предполагали, будет все более и более открываться перед нами по мере того—как мы будем подниматься все выше и выше по ступеням своего обучения. Помните, с каким чувством сердечного трепета и благоговейного уважения вступали мы в стены заведения. Так мы мечтали, чувствовали, думали, когда ехали учиться. Но спросим себя теперь, чем же была или оказалась для нас первая школа—духовное училище, в которое отцы наши считали нужным отдавать нас для воспитания и обучения. Когда мы пришли в училище и затем потянулись дни, недели, месяцы и годы учения—действительность нарисовывала нам другие, мрачные картины, вместо добрых и внимательных родителей мы видели и имели дело с невежественными, неразвитыми и суровыми людьми—нашими воспитателями и наставниками. На место прежней уверенности в себе, искренности и др. добрых чувств и настроений, в душу нашу закрались чувства недоверия к окружающим, робость, страх и затаенная озлобленность. Оказалось, что школа стоит не на высоте своей задачи. Она не развивала до возмож-

ного совершенства в каждом из своих питомцев те духовные качества, которыми наделен всякий человек, она не влагала в души наши твердых и ясных понятий нравственности, не привила нам любви и навыка к умственному и сознательному труду, не могла и не умела сообщить того, что хотела и жаждала наша любознательность, наш детский пытливый ум, напротив тушила и искореняла все благие порывы и добрые стремления, убила жизнерадостное настроение и нарушила равновесие душевного покоя. Не сообщая нам потребных сведений, она не обращала внимание на развитие наших нравственных качеств и образование в нас устойчивого характера, чтобы в последствии из нас могли выйти свободолюбивые, честные граждане Империи, рьяные деятели на пользу государства и общества. В дух. училище, помню, всякое нарушение его питомцами общеобязательных правил или уклонение от установленного режима, каралось с беспощадною строгостью, без всякого послабления, без всякого из‘ятия. Наше недоразвитое начальство, очевидно, не могло переварить того обстоятельства, что оно имело дело еще с несложившимися характерами, с юными живыми организмами, способными впасть в проступок и нарушить известное узаконение (часто глупое), не вследствие дурно направленной, преступной воли, а в силу простого увлечения свойственного молодому существу, —не могло понять, с другой стороны, что каждый из питомцев его не представляет собою мягкого, гибкого материала, из которого можно слепить без труда желаемую фигуру. Велика и непростительна ошибка—со стороны начальствующих и воспитывающих прикладывание одной общей для всех детей мерки, не принимая во внимание индивидуальных особенностей каждого. Наставник или воспитатель должны были при всяком удобном случае зорко подмечать все особенности характера своих питомцев; должны были с большею тщательностью доискиваться истинной причины данного проступка и прежде, чем решиться подвергнуть ученика взысканию, обязаны серьезно обдумать вопрос, заслуживает ли он в данном случае взыскания, и какого именно, чтобы не запало ему в душу горького осадка чувства несправедливости. Речь идет, конечно, не про мелкие проступки, составляющие обычное явление школьной жизни, в которых разобраться нетрудно, а те важные случаи в жизни ученика, которые иногда влекут за собой чрезвычайно тяжелые для него последствия. Вчера только пришлось видеть по улицам Нижнего одного растрепанного, испитого, уже не по годам постаревшего юношу. Из разговора выяснилось, (о нем мы имеем сведения и со стороны), что означенный пролетарий лет 8 тому назад прекрасно учился во Влад. Дух. Семинарии, отличался хорошим поведением, учителей поражал дельными вопросами и ответами, массу читал книг—словом в будущем подавал большие надежды...Но за малейшую пустяковину (ректору семинарии Петру во время христосования во 2-й день Пасхи показалось, что от Т...ого пахнет спиртным напитком) Т....ий был уволен из семинарии, уволен монахом в такое время, когда из храма неслись к небу священные песнопения о прощении обид, об оставлении злобы на ближних... «и друг друга обымем» и т. д., когда за неделю до этого этот же самый ректор, на коленях пред алтарем Всевышнего взывал: «Ей, Господи, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего». Но в том то и дело, что люди не братья, не любят друг друга, не оказывают взаимной помощи и сердце у них камень, не способное чувствовать. Это не единичный печальный факт. Уволенный еще почти малюткой, затертый суровой жизнью, Т...й влачит теперь жалкую жизнь, с которой так чудесно нас познакомил новый наш писатель Горький в «Погибших людях», куда мы

и отсылаем всякого интересующегося возможной перспективой каждого из учащихся в духовной школе.—Не менее тщательное наблюдение за индивидуальными свойствами ученика имеет весьма важное значение и в вопросе об его успешности. Нередко мальчик представлялся ленивым, рассеянным, одним словом, мало успевающим и подающим слабые надежды на успех в будущем, так что тармозит занятия целого класса. Следует ли такого ученика сразу карать единицами за его неуспешность, унижать его все более и более в своих собственных глазах и в глазах его товарищей, а затем выбросить его за борт школы, как не могущего выполнить неумолимых требований дурацки составленной программы. Едва ли это было «заслугой» со стороны училища. Ведь нередко случается, что при ближайшем ознакомлении со способностями, прилежанием и характером ученика, он оказывается не так безнадежен и плох, как представлялось с первого раза, и при более сердечном к нему отношении и своевременно принятых разумных мерах, посильно выполняет свое дело и по окончании учения нередко оказывается вполне добропорядочным и симпатичным человеком. Мы знаем нескольких сотоварищей, которым в бытность их в училище грозило увольнение, но в семинарии они шли быстро, успешно, а по окончании ее поступали в высшие учебные заведения.

Заботясь о правильной постановке успешности и нравственности своих учеников, училище не должно было забывать еще одного необходимого условия, которое, к сожалению, также опускается из виду—это заботу его о том, чтобы ученики, в свободное от занятий время, пользовались здоровыми и разумными развлечениями, необходимыми для юного организма в умственном и физическом отношенинх. Между тем, общеизвестен факт, что в наших дух. училищах не существует правильного чередования умственного труда с досугом, который проводили бы ученики с пользой для себя и с удовольтвием. Досуги наши уходили на бездействие, растрачивались по мелочам, мы не имели забав и развлечений таких, которые доставляли бы нам не только физический отдых, но и пользу для развития, оставляли бы в наших умах и душах благотворный след... В наше время ничего подобного не было. Та неведомая для нас школа, в которую мы поступали с трепетом, с огнем и энергией, оказалась для нас за 4-х летнее пребывание в училище далеко не родною и дорогою, те незнакомые, как мы думали, хорошие, добрые лица, в которых мы предполагали найти своих будущих наставников и воспитателей, в настоящее время хорошо оценены нами по их образу действий, по невнимательному отношению к нам мы теперь заключаем, что они нисколько не были проникнуты искренним желанием принести нам посильную помощь, за редким исключением. Теперь, после долгих лет, когда посеянные семена нашими наставниками и воспитателями взошли и дали жатву, по этой жатве, по плодам их мы узнаем их (см. журн. «Русск. Школа», июль—август, статья Головачева «Наши учителя, ученики и система»). Подводя итоги их воспитанию, приходится сказать, что результаты их ск催наго воспитания и обучения в большинстве случаев привели к совершенно неутешительным результатам: при их режиме детство наше проходило скучно, вяло, безотрадно; мы расли, не питая ни к кому доверия, были скрытны, часто лживы, нередко имели задатки нервных болезней; гнет постоянного страха пред инспекцией и учителями вредно отзывались на успешности и нашем душевном состоянин; страх же этот затем вел к развитию и других многих пороков, атмосфера школы была пропитана скрытностью, изворотливостью, лживостью, пороками, являвшимися величайшим тормазом индивидаульного,

единственно правильного метода воспитания, что и подтверждает нам вся история педагогики с ее великими умами (для наших бывших руководителей).... Да, школа наша, печально вспомнить, тяжело и грустно сознаться, искалечила судьбу вверенных ее попечению ребятишек. Число товарищей, добравшихся до 6-го класса семинарии из общего количества 48, поступивших с нами в первый класс дух. у-ща, насчитывается всего на всего 4; Только 4, а остальные 44 неведомо где, что и как,—ведомо только, что $^{3}/_{4}$ из них не дошли до семинарии, а рассеялись по лицу земли в тогах учителей, дьячков, разных подмастерьев, и т. д., и т. д., таящих в груди своей озлобление на окружающее и проклятия тем, которые разбили их жизнь, когда то невинную, святую и чистую.

II-я ГЛАВА.

История Русской школы вообще и духовной в частности показывает нам, что при всяком общественном смятении, при всяком столкновении резких социальных идей (в 60 годах по поводу вопроса об освобождении от рабства; в 70-80—об ограничении самодержавия и 90 г. по вопросам о социал-демократической пропаганде в рабочих сферах и среди учащейся молодежи) правительство наше обыкновенно главную вину в том старалось приписать школе, ее винят в стремлении развращать юношество, осуждают более талантливых преподавателей, которые имели влияние на учеников живым словом, даже без всякой мысли о социализме *), перебирало и даже запрещало учебники, в которых хотели читать что то между строками, но в действительности ничего не находило («Родное Слово» Ушинского, например), стесняло преподавателей всевозможными мерами, не педагогическими до того, что действительно ни одно почти живое слово не могло перейти от них к ученикам.

Следствием такого взгляда правительствующих и командующих сфер между преподавателями и учениками, между студентами и профессорами была воздвигнута искуственная грань, которая конечно не может сообщить надлежащее направление развитию и поведению учащихся, но влечет за собой печальные явления, что подтверждают и сами начальствующие, (см. цирк. мин нар. просв. за 1900 г. по поводу 1) студ. безпорядков

---

*) В начале 90-х годов, напр., в Якутской Семин. уволили С. Писарева без права впредь учительствовать в школе дух. ведомства за то только, что регулярно по субботам в его помещении устраивались спевки и концерты семинаристов, перемежавшиеся чтением русских классиков под его руководством. Трудно было без улыбки, пишет корреспондент газеты „Сибир. Жизнь“, читать выданный С. Писареву увольнительный документ, из 30 стр. текста которого 18 заняты были перечислением хвалебных о нем отзывов начальственных лиц и списком должностей, которые он занимал, а последние 2 строки лишали его права впредь учительствовать.

В 90 годах уволен быль из Тобольской сем. за то-же симпатичнейший из преподавателей, каких только нам приходилось встречать-это Архангельский (канд. Казан. дух. академии).

В 94 г. из Могилевской сем. уволен и заключен в крепость г. М.—преподаватель философии, только за то, что он раз'яснил воспитанникам научный взгляд на клятву, сходившийся с мнением Христова учения, тоже отрицающим всякую форму клятвы. Причина же ареста его отказ от присяги 21 октября новому Императору Николаю 2-му.

В 93 году предполагалось уволить из Влад. семинарии преподав. гражд. истории Ф. В. Благовидова—теперь профессора Каз. акад.—магистра истории.

В 96—преподав. физики Рудольфа, отказавшегося пред смертию от таинства Причащения. Но смерть его предупредила возможность совершения над ним акта несправедливости и глупости. Это одна тысячная фактов, какие имеют место, особенно в дух. учебных заведениях.

и 2) реформ в преобразовании средних школ) и печальная действительность. «Человек не может жить в пустоте»—это приложимо как к взрослому, так и к учащемуся. Если в жизни взрослого человека нет интересов, то отсутствие их заменяется пустяками: сплетнями, винтом, пьянством и т. п.

Если нет живых, бодрых впечатлений в школьной жизни, если вся обовстановка учебного дела вызывает только отвращение, если всякое живое отношение преподавателей к ученикам является редким исключением, то нет ничего удивительного, что внутреняя жизнь учащихся растрачивается по пустякам на выслеживание инспекции, на школьнические проделки с нелюбимыми учителями, на обманы при ответах, на обманы при экзаменах и т. п. В некоторых случаях замечается и наклонность к вину, картам, женщинам легкого поведения. Спрашивается, существуют ли в наших учебных заведениях условия, при наличности которых мог бы создаться в учениках образ «человека совершенного».

Да, существует несомненно, потому что нет и худа без добра, надо согласиться с поэтом (Некрасов):

«Не сплошь мы пошлости рабы,
Есть элементы для борьбы,
Есть признаки осмысленного быта».

Наиболее талантливая часть учащейся молодежи (См. «Русск. Мысль», статьи кн. Трубецкого: «Студенч. беспорядки») ищет выхода из томительного положения. Поиски эти особенно заметны в тот период школьной жизни, когда перед глазами учащегося впервые начинает открываться серьезная сторона жизни, когда пробуждающаяся мысль впервые начинает критически относиться к себе самому и окружающим. Не находя кругом ответа на свои запросы, учащийся естественно набрасывается на книги. КНИГИ! Вот условия, при наличности коих, при разумном пользовании ими, известном выборе и критике, в учащейся среде является возможность пополнить пробелы воспитания и обучения по казенной указке. Действительно, литература много может помочь в уяснении многих сторон жизни, развить чуства симпатии и антипатии к разным явлениям окружающей действительности. Жаль только что доступ литературных произведений по разным вопросам в России, по причине отсутствия свободы печати, слова и т. д. очень ограничен, едва ли не в большей степени, чем доступ дозволенных цензурой книг в русской школе и особенно в духовных учебных заведениях. В нашей школе русская литература, напр., терпима только до Гоголя, все же выдающиеся писатели за Гоголем—являются плодом запрещенным по мнению наших руководителей школы—знакомство с литературой после Гоголя не только не принесет пользы в деле духовного развития воспитанника, но якобы и повредит ему очень. Он может ознакомиться с Державиным, Херасковым, Ломоносовым, читать Пушкина, Лермонтова, Гоголя, но изучать и знакомиться с Тургеневым, Толстым, Успенским, Короленко, Гаршиным, Горьким и многими другими первокласными представителями художественной литературы новейшего времени, а также ученой, ему не позволяется, потому де, что эти авторы «блудные сыны», еще не возвратившиеся в отеческое и церковное лоно, а посему не имеющие чести быть рекомендованными вниманию воспитанников. К счастию и чести русской молодежи надо сказать, что она всегда умела и теперь умеет, не обращая внимания ни на какие запрещения, доставать необходимые книги, несмотря на неблагоприятные внешние условия организоваться для той же цели в отдельные кружки, устраивать сходки, собрания, чтения и т. д. «Надо радоваться,—пишет г. Д—ев в «Сибир. Жизни», что искра Божия, светочь идеальных порывов не умирает в нашей семинарии,

несмотря на скверную внешнюю обстановку. Книги великая вещь». Конечно, первоначальные и настоящие источники познания не книги, а жизнь, опыт, наблюдение, но громадное значение имеют те книги, которые воспитывают в нас вдумчивость, наблюдательность, пытливость. Естественные науки должны быть особенно ценны в деле самостоятельного умственного развития, потому что они лучше всяких других наук научают нас наблюдению. Вообще чрезвычайно важно, чтобы читаемое человек в состоянии был так или иначе применять к себе, к фактам своего внешнего или внутреннего душевного опыта. (Для примера и пробы прочитайте ром. Шпильгагена «Один в поле не воин» и проведите параллель между своею личностью, условиями своего быта и уклада жизни— с личностью и героем означенного романа Лео, с условиями и обстановкой его жизни и быта,—чтобы отчетливо почувствовать все значение серьезной жизни и литературы реального направления.) Не нужно стараться прочитать книг как можно больше. Дело не в количестве, а в качестве. Постоянно, в каждую свободную минуту возобновляемое чтение угнетает и притупляет ум. Нужно переживать, передумывать прочитанное, только тогда оно пускает в нас корни и не проходит бесследно. Читать надо со строгим выбором. «В каждой области существует лишь весьма небольшое число капитальных сочинений, действительных родников великих идей». Лучшие элементы учащейся молодежи, искавшие истины и освещения ее со всех сторон, не могли и не могут ограничиться только теми книгами, которые рекомендуются им правящими сферами, (не столько заинтересованными истинными знанием, чистой наукой, сколько занятыми желанием поддержания современного распорядка вещей, формы правления, формы религии, —всем, что так или иначе им выгодно, или кажется истинным и верным, но что в действительности есть преходящий самообман, как и подтверждает это история всех времен и народов). Так лучшие элементы учащейся молодежи и интеллигентных слоев русского общества, не обращая внимания на казенную указку, запрещения и всевозможные неодобрительные его приемы, всегда, иногда ценой больших усилий и риска, достают нужную себе литературу.

Учащиеся, чтобы облегчить способ доставки книг—не имеет возможности, в силу ограничительных русских законов, иметь свои библиотеки с собственным подбором книг, самостоятельным управлением и заведыванием библиотечного дела—организуют нелегальные т. н. тайные библиотеки, что и дает им возможность всегда иметь при себе и читать всякую книгу по любой отрасли знания и вопросам общественной и другой жизни. Тоже делают и рабочие. Интеллигентные же классы, также и студенчество, на которых запретительнне мерн относительно цензурных книг не простираются во всей силе, но которые все же подлежат законам, отрицающим свободное печатное слово, а между тем нуждающиеся в весьма точном неодностороннем освещении фактов и вопросов научного и другого характера, достают себе заграничную литературу, газеты, журналы, научные сочинения и проч. издания Западно-Европ. государств, где свобода слова, печати, мысли и убеждений вне запретительных законов и давлений совне, или устраивают тайные типографские заведения в самой же России и организуют правильную доставку перепечатываемых книг и журналов. Интересующихся по данному вопросу мы отсылаем к книге Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия», изд. Русского фонда русской вольной прессы в Лондоне, или к капитальному сочинению в 16 выпусках бывшего профессора философии Московского Университета, теперь умершего эмигранта, государственного преступника и великого мыслителя Петра Лавровича Лаврова, (сочинения коего «Опыт

истории мысли» до 12000 стр. переведено на многие европейские языки), а именно к издававшемуся под его редакц. соч. «Материалы из истории русского революционного движения в 19 веке»—в 16 выпусках,—Париж 100 франков. В данном же очерке мы только коснемся ближайшего прошлого нашей семинарии и ее задач в настоящем и близком будущем.

III-я ГЛАВА.

Проф. Ключевский рассказывает, что когда в 1854 г. Николай 1-ый оскорбил европейские державы у себя на одном из приемов посланников иностранных держав, посланники по телеграфу депешами известили своих государей, последние, еще ранее возмущавшиеся поведением России на Востоке, двинули свой флот под Кронштадт и Севастополь. Несчастная для России Крымская война тяжелым позором легла на императора. Николай таинственно умирает, но возрождается русское самосознание — «Грянет беда роковая, скажется мигом страна» (стих. Некрасова «Дедушка»). «Крымская война открыла нам все язвы и раны нешего больного и гнившего общественного организма, она показала нам на полное отсутствие просвещения и как на пагубное его следствие, на полное отсутствие честных деятелей». В военном, напр., ведомстве без зазрения совести крали миллионы, предназначенные на потребности военного времени на театре военных действий, показала полную неподготовленность наших солдат, неуменье офицеров, полководцев, отсутствие мужества, чувств гражданственности в чиновничестве, погрязшем в луже взяточничества, воровства и т. п. подлостей—показала полное отсутствие признаков благоустроенного государства—отсутствие, напр., правильных и хороших путей сообщения для быстрого передвижения войск, застой в торговле, отсутствие промышленности, скудость в финансах, обнаружила массу злоупотреблений, веками находивших приют во всех сферах населения и ступенях управления, крымская война до сих пор еще отзывается на состоянии наших финансов, потому что на покрытие расходов по ведению этой войны Россия с трудом сделала огромный внешний заем за границей (мало нам доверявшей). По окончании крымской войны стали обнаруживаться первые проблески пробуждения России и первые признаки предстоящих великих реформ и, прежде всего, отмены крепостного права. Отдаленные отголоски начинающегося общественного пробуждения через печатное слово и устную молву стали доходить и перелетать за стены учебных заведений—дошли они и до наших семинаристов. И семинарская молодежь не менее радостно, нежели общество, приветствовала занимавшуюся зарю освобождения. Отдельные личности из семинаров, всегда и ранее живо интересовавшиеся литературой, всегда горячо принимавшие к сердцу общественные вопросы с восторгом пошли на встречу общественному возрождению. Как ни мало у семинариста оставалось досуга от занятий уроками, посещения богослужения, молитв и т. д. как ни плоха тогда была среда и внешняя обстановка, все же отдельным личностям более горячим, живым и убежденным словом своим и благородным характером удалось расшевелить косность своих товарищей и образовать кружок, в котором бы обсуждалось все интересующее в ту бурную эпоху обновления, знаменитую эпоху 60-х годов, с ее горячими идейными спорами, свержением старых принципов и постановкою новых, освобождения крестьян, реорганизации общественного строя, введения судов присяжных, земских реформ, воинской всеобщей повинности и т. д., и т. д. Вместе с основанием кружка положено было и основание нелегальной библиотеки,

прежде и теперь играющей столь большую роль в деле воспитания и самообразования на началах гуманности, свободолюбия и гражданственности целых сотен так или иначе соприкосновенных к ней лиц в течении вот уже 4-го десятка лет. В настоящее время мы не имеем под руками данных к истории прошлого нашей библиотеки. Придется только ораничиться общим указанием на прошлые годы ее существования. Прошлое нашей библиотеки в разные периоды ее существования было неодинаково. Мы знаем, что насчитывавшая в первые годы до 200 томов она увеличилась по количеству близко подходящему к тысяче (с 1880-х и до конца 90 годов). Были годы упадка библиотечного и связанного с нею дела—до ноля градусов. В 64 году весь наличный состав книг был разыгран между членами библиотеки и только протест одной личности и вмешательство в распорядок по управлению и заведыванию библеотеки глубокоуважаемого и известного теперь писателя Н. Н. Златовратского спас от полной погибели столь симпатичное начинание—как народившийся молодой кружок и своя самостоятельная библиотека, потребовавшая массу энергии, труда и хлопот. Период 70-х годов до полов. 80-х прошел с переменным успехом. Библиотека количественно то уменьшалась, то значительно увеличивалась, как и самый тайный кружок ее членов, уже к концу 70-х годов сделавшийся известным гражданской полиции, начинающей следить за ним с этого времени и до настоящего из года в год. Больший, сравнительно с прежними годами, библиотека имела успех в половине и конце 80-х годов, чему способствовали два обстоятельства. Первое—отсутствие, кроме описаваемой библиотеки, в Семинарии какой либо другой оффициальной и доступной для воспитанников. В Семинарии была в то время только одна библиотека—это фундаментальная, как теперь, так и тогда почти недоступная для воспитанников. Последним волей-неволей оставалось пользоваться книгами лишь из тайной библиотеки, пользоваться ее лишь услугами. Понятно и естественно, что в силу таких обстоятельств к тайной, как единственно доступной для воспитаников этих времен библиотеке был большой приток читателей, материальная поддержка была очень значительна, средства на поддержание и расширение библиотеки были велики. Здесь побочно упомяну о крупном факте, имевшем место в стенах нашей Семинарии и заставившем о себе много говорить местное общество.

Так как в описываемое время к услугам воспитанников была только одна, именно нелегальная библиотека, хотя и очень значительная по количеству находящихся в ней книг и чудная по подбору их, но тем не менее все же, как не имевшая возможности удовлетворить спрос всех читателей, коими являлись тогда почти все воспитанники Симинарии, а их насчитывалось в ней до 700 человек, да много из посторонней публики—это с одной стороны, с другой, так как не всегда можно было пользоваться книгами из этой библиотеки, как находящейся на нелегальном положении, то в среде воспитанников явилась мысль просить у своего начальства о разрешении открыть библиотеку оффициальную, которая находилась бы на легальной почве и которая бы вместе с тайной библиотекой вполне удовлетворяла весь запрос желающих читателей целиком. Решено было устроить в зале Симинарии общую сходку воспитанников, в присутствии всех через депутатов заявить начальству о своем намерении. Устроена была в зале сходка. Сходка вышла довольно многолюдной и шумной. Депутаты пригласили ректора Хераскова и выразили ему желание всех воспитанников иметь ученическую библиотеку. Что в этом намерении воспитанников, равным образом и в способе его заявления начальство нашло предосудительного—

трудно понять,—оно нашло человек 8—12 нужным навсегда уволить из стен нашей alma mater, хотя в общем финал этой истории вышел благозвучным: у семинаристов появилась оффициальная ученическая библиотека. По другим данным было уволено 5 воспитанников, 25 лишены казенного содержания и 10 наказано карцером. В городе отнеслись к семинаристам сочувственно и даже было собрано на пострадавших 80 рублей.

Вторым, внешним обстоятельством, способствовавшим в описываемую пору (второй половины конца 80—х годов) цветущему состоянию библиотеки, являлось сильное влияние и содействие посторонних лиц, проживающих во Владмире в качестве административно-высланных сюда на время. Из числа последних особенную услугу указал нам известный теперь в Петербурге член Вольного Императорского Экономического Общества, автор многих сочинений и известного капитального труда по народному образованию (Из. С.—Петерб. 1899 г. ц. 25 р.) тогда ссыльный проживавший во Владимире под гласным надзором Г. Фальборк, товарищ и друг поэта Надсона вместе с другими высланными сюда к нам из столицы лицами*).

Библиотека была просмотрена вновь, составлены новые каталоги в известной системе самообразования. Составлены уставы и правила кружков и дела правильного ведения библиотеки. Каталоги, к сожалению, потерены были в 94 году воспитанником Семинарии Богословским И. во время предполагавшегося у него обыска и затем высылки его в мае (во время коронации) в один из отдаленных уездов Влад. губернии. Современники этого цветущего периода библиотеки расказывают, что влияние и значение означенных лиц было велико и громадно. Библиотека встала на твердые ноги. Она находилась в надежных руках, которые с родительской нежностью заботились о ней. Привлекали к ней массу читателей, как в самой Симинарии, так и за стенами—в городском обществе, даже за пределами города, в уездах. К большому и общему сожалению, библиотечная масляница была непродолжительна. Обнаруженная затем переписка одного семинариста (Бел—на, теперь книгопродавца в Риге) с Петербургом, повлекшая за собой массовое увольнение из Семинарии замеченных в пропаганде среди воспитанников и затем арест Б—ина и заключение его Петропавловскую Государственную тюрьму, имели своим непосредственным последствием распадение только что широко организовенного общества и правильно поставленной библиотеки. Затем уход по окончании Семинарии воспитанника 6-го класса—особеннаго, замечательного по подбору и большому числу участников в кружке и членов библиотеки,—жардармский обыск у воспитанника 6-го класса М. М. В—дого и давление жандармской полиции на интеллигенцию, сочувствовавшую и оказавшую нравственную и материальную поддержку семинаристам,—все это послужило причиной полного застоя дела пропаганды и правильной постановки тайного чтения, собраний кружков, обществ, теперь разбитых по кружкам, не связанных вместе и бродивших ощупью. Так обстояло печально дело в 91 и 92 году. В 93 г. на горизонте безотрадной, безжизненной пустыни начинают появляться первые значительные признаки возрождения. В эту пору горячо взялся за библиотеку и ее правилную постановку вечной, светлой памяти—умерший потом Николай Алексеевич Омутецкий, смерть которого и позволяет мне без-

---

*) Во Владимире с 1887 г. проживала масса ссыльных, обвинявшихся только за косвенное участие или даже знакомство с Ульяновым студ. С.-Петерб. университета, организовавшим в этом году покушение в Казанском соборе на Александра 3-го, повлекшим за собой закрытие С.-Петерб. университета, увольнение ректора, многих профессоров и тысячи высланных в разные места России и Сибири.

пристрастно—без лести для умершего, («что мертвым слава и почести»— Гейне) и безбоязненно («что мертвым козни и страхи») оценить эту личность—глубоко симпатичную и деятельность его безкорыстную, которой он отдался весь с пылким жаром, необыкновенной энергией и терпением —уложившими его в гроб. Н. А. Омутецкий, перевозя библиотеку сырой, осенней ночью весь промок, иззяб, простудил свою грудь, захворал воспалением легких, а бурсацкая пыль, грязь, нравственные мучения и пытки, причиненные ему окружающей корпусной обстановкой, довершили вместе с болезнью свое дело. Чрез год по окончании—в один весенний ясный день, где-то в деревенской глуши под собственные звуки гитары, играть на которой он страстно любил, Н. А. кончил свое земное поприще, завещая помнить его и итти по той тернистой дороге, по которой шел и он, чтобы воспитывать в себе и других свободных, здоровых, умственно и нравственно людей, борцов за народное благо, стремящихся воплотить в общественные формы идеи истины и справедливости. Что особенно поражало всех в личности Омутецкого —это его необыкновенная энергия, преданность делу, за которое он взялся с жаром и замечательная его тактичность—даже в малейших делах, в ничтожных мелочах, что и способствовало много тому, что он вплоть до 6 класса не был замечен семинарским начальством и находился у него вне всякого подозрения относительно его главной и непосредственной связи с подпольной библиотекой, которая, между тем, всецело была на его руках и в его непосредственном заведывании. Только за несколько недель до его окончания жандармскому полковнику Н. П. Воронову случайно пришлось установить связь Омутецкого с библиотекой. Я говорю случайно, потому что не случись громкой истории в войсках Сибирского местнаго полка, Омутецкий так бы и оставил Семинарию, (с ее окончанием) вне всякой тени подозрения на себя со стороны начальства. В памятный 94 год, к котрому я ворочусь еще раз, среди военных обнаружена пропаганда социалестического учения. Были открыты и виновники ее С. Л—ев, С. Ключарев—заключенные затем в тюрьму. Из судебного следствия, которое вел прокурор Снопко выяснилось участие и Омутецкого, тактичность последнего однако выручила его из беды и здесь.

Обладая необыкновенною способностью угадывать и верно ценить личность, Омутецкий не старался привлеч в кружок как можно большее число товарищей. Свое старание и труды он направил только на некоторых из воспитанников, отличавшихся хорошими способностями, любознательностью и главное открытым, честным характером—он знал, что качественная сторона во всяком деле куда важнее количественной тем более в таком деле, в котором всегда рискуешь сломать себе шею и вывернуть у других или ногу, или руку. Не смотря на нежелание Омутецкого расширить библиотеку, увеличивать кружок и раздвигать сферу его влияния, и кружок наш и библиотека и сфера влияния их за время деятельности Омутецкого значительно увеличились и это делалось как то само собой. Впрочем, этому много способствовало семинарское начальство, и в частности представитель его ректор Семинарии Никон (теперь викарий Питерский). Здесь я остановлю внимание читателя на этой личности, бессознательно для себя и сверх своего ожидания много способствовавшей тому, чему служил и работал кружок во главе с Омутецким.

Всякое семя прорастет и даст плод, если оно посеяно на подготовленной почве. Всякое семя всякого учения тоже даст тогда плоды и желательный результат, если к восприятию его находятся подготовленные люди. Для того, чтобы чтение книги и ее содержание, идеи в ней изложен-

ные находили отклик в уме и сердце читателя, необходимо, чтобы читатель внимательно следил за каждой строчкой книги, чтобы он внимательно читал книгу, чтобы он досуг свой и свободное время рассчитывал на беседы с товарищами, на споры, обсуждение прочитанного, чтобы он критически относился к окружающей действител ности. А семинарист времени Никона не мог не читать книг, не мог в свободное время не обсуждать прочитанного, не мог не критиковать окружающую его сферу, потому что всякие посторонние удовольствия, всякие средства и всякая возможность, кроме уроков, в часы досуга заняться чем либо другим, напр. прогулкой ли в городе, посещением ли театров, устройством ли концертов, спектаклей, были строжайше воспрещены Никоном. Семинаристу оставалось чего делать, как не читать книги, а когда это надоедало, что делать, как не поговорить, не покалякать по поводу опять той же прочитанной книги.

А так как отношение ректора было черезчур сухо, формально, распоряжения его, выговоры и наказания оскорбляли личность ученика, унижали ее, возмущали несправедливостями до боли, то естественно, что литература тайной библиотеки, как выяснявшая подневольное положение русского человека и в частности учащихся, нашла себе подготвленную почву в массе воспитанников—теперь до одного сплоченного и вооружавшегося против режима, введенного Никоном в стены Семинарии, тяжелым гнетом и одинаково грузно ложившегося на каждого воспитанника, прежде разрозненного и расходившегося между собою в оценке своего начальства и порядка вещей. Вот почему в это время среди воспитанников, благодаря такому положению дел, имела сильный и небывалый как никогда успех нелегальная литература заграничных фирм и издател ств, преимущественно рабочих кружков, выяснявшая безвыходное положение рабочих классов, положение которых близко напоминало тогдашнее положение семинаристов. Среди воспитанников циркулировали даже прокламации и брошюры женевских и цюрихских анархистов с их штемпелем. Раздражение, которое царило среди воспитанников, недовольство их новым режимом, до невыносимости тяжелым, благодаря брошюрам и тайным листкам формировалось и выливалось в революционную форму. Когда же безотрадное положение в настоящем и беспросветная темь в будущем, недовольство и временно скрытое негодование семинаристов наполнили чашу терпения их с краями, то они пошли через край и в бурном потоке потопили и Никона и целую сотню неповинных учеников. Никон едва был не убит 9-го мая, а Семинария лишилась затем до сотни самых лучших своих сынов. Виссарион Селинин, покушавшийся 9-го мая (94 г.) на ректора, хотя и действовал почти единолично и был лишь всего выразителем общественного мнения товарищей в их отношении к пострадавшему ректору, тем не менее он обвинялся прокурорской властью, как один из числа многих, действовавших сообща. Все старания судебного расследования открыть сообщников не имели никакого успеха, не смотря на то, что жандармская и прокурорская власть пускали в ход все свои средства: подслушивания, запугивание и шпионство с подкупом. Я кратко упомяну здесь историю с В. Стужиным, обучавшимся в тот год в 4 классе, который в руках полиции сыграл весьма незавидную и навсегда скомпрометировавшую его роль, как это обнаружила огласка этого дела самими же участниками этой гнусной и подлой истории, письмо Стужина к члену Правления Плаксину, попавшее в наши руки, наконец сознание самого Стужина пред своими товарищами, требовавшими его удаления из заведения вон. По чьей инициативе, не знаем, но только Стужин приглашает в сад при своей квартире агентов тайной поли-

ции, которая и спряталась по кустам близь беседки, приглашает А. Е. Т—ого, которого он и предал Иудиному целованию, угостив его вином и вызвав его на излишние откровенности относительно интимной стороны его знакомства с Селининым и прикосновенности его к кружку и библиотеке. Последствием этого обстоятелства был арест и заключение А. Е. Т—ого в местную тюрьму, где и велся дальнейший допрос и судебное следствие, не выяснившее однако непосредственного участия А. Е. Т—ого в минувших фактах. За печальным фактом, имевшим место 9-го мая, повлекшим за собой увольнение инспектора Иванова, помощников его В. С. Счастливцева, перевод Авророва, исключение 64-х воспитанников и увольнение 28 по прошению, первых с 4 поведения и некоторых без права в'езда в течение года в большие (Университетские) города, затем оставление Семинарии выпуска, в котором кончал Омутецкий. С. П. и многие другие, Семинарский кружок опустел, а остаток его распался и в течение целого учебного года, 94-95, не мог сформироваться и приступить хотя бы к малейшему шагу. Число воспитанников сократилось с 650 до 430, начальство держало себя как то странно и оставшиеся 5-10 воспитанников, ранее имевшие только косвенное участие в жизни только что разбитого кружка, неопытные и испуганные, теперь не имели под собой ровно никакой почвы, опираясь на которую они могли бы твердо стать на ноги и высоко по прежнему поднять знамя, временно и так безжалостно сошедшего со сцены, рассцветшего, было, товарищеского кружка и его библиотеки. Так обстояло дело на следующий год после памятной истории 9-го мая. Время и положение десятками лет созданного дела могло погибнуть совсем. Но местные интеллигентные слои, от взора и внимания которых никогда и ранее не ускользала Семинария, теперь дружно пришли на помощь и все, что могли с своей стороны сделат , сделали. Завянувший и совсем было умерший цветок, начал распускаться и ярким красным цветом привлек к себе целую тучу пчел. И вот в бурсе как в пчельнике, закипела работа, поднявшая на ноги всех, в ком еще не угасла вера в собственную силу и мощь, вытащив на работу каждого затаившегося, было, в щелях испуга, лени и апатии. Кружок значительно пополнился, и через месяц заметны были и первые признаки его существования. Среди воспитанников организовались частные кружки чтения книг по разным отраслям знания, появились журнальчики собственного издания, устраивались довольно многолюдные сходки, среди воспитанников началась выписка газет и журналов, и временное затишье сменилось веселым оживлением и вместо уныния и апатии лицо бурсака выражало уже умственное напряжение и лихорадочную оживленность, изредка ослабевавшую, как это было после истории с Богословским И., о котором донес жандармской власти Макаров Андрей — чиновник Братства при Архиерейском монастыре — состоящий и по настоящее время агентом тайной полиции . . . донес, что у Б. И. хранится лучшая и дорогая часть библиотеки в исскуственном подвале, устроенном в его помещении. К сожалению, еще время этого обстоятельства так близко, что нет возможности подробнее упомянуть о данном факте, последствием которого было то, что кружок как то на время замер, а обвиняемый Б. деликатно должен был выехать из Владимира (это было в мае во время коронации, когда за малейшее подозрение лицо подозреваемое высылалось из Владимира). Описываемое время 95-97 г. г. богато фактами, свидетельствовавшими, как хорошо обстояли дела возродившегося кружка и пущенной в оборот библиотеки, дававшей огромные проценты и прибыль кружку и тому делу, которому он взялся так энергично и дружно, как один чело-

век, служить и работать. Я упомяну только главное, что дальнейшим поколениям послужит примером и предметом подражения на общую пользу.

В данную пору, о которой идет речь, что особенно удалось сделать кружку и что затем обусловливало его блестящий успех и значение в своем деле,—так это его весьма прочная организация. Благодаря усилиям нескольких лиц, очень симпатичных и с железной силой воли, кружок, сплотившись, тесно и дружно работая, имел у себя все средства еще к большому единению и к еще более дружной работе. Лица, стоявшие во главе кружка отчетливо сознавали, что предоставить членам кружка возможность чаще сталкиваться, обсуждать каждый свой шаг в настоящем и свои намерения в будущем—значит гарантировать успех кружку и поднять его престиж в глазах массы. Одной из главных забот этого кружка и было, между прочим, предоставить эту возможность частых и многолюдных сходок для обсуждения как чисто кружковых интересов, так и для чтения или разрешения тех или иных вопросов практических или чисто научных и т. д. В теплую и ясную погоду местом собрания служила 1-я будка к Доброму селу, еврейское кладбище, усыпальница Кузнецова, Зачатейский вал, в зимнее же время частию у воспитанников Семинарии, в одной городской школе, частию у местных обывателей, у Г. В...ого, напр., в марте одна сходка была числом до 50 воспитанников. Означенная сходка осталась у всех в памяти, так как произвела очень глубокое и сильное впечатление от сказанной воспитанником 5 класса М. Ф. Сокольским речи и прочитанной им истории Семинарского кружка, его библиотеки и деятельности за последний тридцатилетний период. Чтение закончилось громкими аплодисментами, а затем собравшиеся разошлись, решив чаще по возможности собираться вместе и при многолюдном стечении своих товарищей. Принятое решение затем и выполнялось на деле, потребовав впрочем вскоре строгого выбора приглашаемых, так как длинные вереницы стекавшихся на собрания воспитанников обращали внимание некоторых местных обывателей и администрации, как это видно из судебного следствия по делу Б. И. в 96-97 учебном году, о котором мы еще будем иметь случай говорить подробно. Вопросы чисто кружкового характера, требовавшие быстрого решения, всегда подлежали экстренному обсуждению и в таких случаях кружок собирался в стенах самой Семинарии—в саду, в дровах, в сараях и днем и в ночное время при освещении, напр., на чердаке классного корпуса (вход у 5 к. 2 отд.), или в подвале Семинарской церкви; устраивались небольшие собрания и в самой церкви и во время богослужения, где либо в уголку—под прикрытием товарищей и под звуки церковных песнопений и возгласов. Благодаря частым собраниям, кружок наш рос и укреплялся, росло и крепло то дело, которому он всецело посвящал свой досуг, силы и материальные денежные средства.

«Кружок, пишет Д—ев, великое дело, особенно среди тусклой, ординарной семинарской жизни». Ведь под влиянием однообразных усыпляющих впечатлений этой жизни душа замерзает, всякие порывы угасают, интересы суживаются и замыкаются, особенно в старших клссах, в узкую рамку церковности. Самое верное противоядие против убийственного действия такой жизни, пишет г. Д. в своем «Дневнике Семинариста», —это: духовное общение, обмен мыслями с людьми, относительно которых можно надеяться, что они тебя поймут, даже укрепят и возбудят к труду. Самый труд даже отдельной личности, когда видишь, что рядом с тобой энергично работают твои товарищи—делается значительно интенсивней и следовательно продуктивней. Накопляется столько энергии, чувствуешь в себе та-

кой запас силы, что еслибы нашлась в мире точка опоры, то мы в состоянии были бы на рычаге перевернуть весь мир... Иногда эта точка опоры находилась, и в наших умах создавались грандиозные планы. Здесь мы расскажем, как в 96—97 уч. году кружок владимирских семинаристов организовал об'еденение многих других семинарий империи и образовал в своей —центральный комитет всех об'единенных семинарских кружков других губерний: Нижегородской, Самарской, Ярославской, Тверской, Тульской, Костромской, Московской, Вифанской, Рязанской, Казанской, Воронежской, Орловской, Смоленской, Архангельской, Тифлисской, Томской, Саратовской, Ставропольской, Черниговской, Киевской, Оренбургской, кружков Шуйской гимназии, Владимирской мужской и женской.

Незадолго до этого времени министром народного просвещения Деляновым издан был циркуляр о допущении окончивших по 1 разряду воспитаников семинарий в Юрьевский университет и на математический и историко-филологический факультеты Варшавского университета. В нашем кружке явилась мысль, об'единившись с семинариями других городов и прозондировав там почву, а где ее не было, там подготовив ее,—подать одновременно в Петербург общую петицию всех семинарий империи о допущении к слушанию лекций в высших учебных заведениях и воспитаников 2-го разряда. Мысль нашу одобрило местное Владимирское общество и студенчество обещало поддержку и свое содействие. В половине учебного года кружок Владимирский, обсудив настоящий проэкт, единогласно и в полном составе предложил начать осуществление этого смелого проэкта, подобного которому не знает вся история Владимирского кружка, выбрав из среды себя комиссию из 5 членов по разработке данного проэкта. Когда проэкт и материалы были собраны и разработаны, начались сношения с кружками вышеупомянутых семинарий. Нижегородская семинария прислала даже своего делегата — воспитаника 6 класса П—ва, а остальные семинарии вели сношения с нашим кружком письменно. В течение великопостной трети были получены ответы отовсюду—ответы положительные, кроме двух семинарий по неизвестной причине. Все означенные семинарии выразили свое полное согласие и подчинение нашему комитету об'единенных семинарий, предоставив ему право активного действия. Попутно с выяснением числа семинарий, желающих принять участие в общей петиции министру, во все семинарии разосланы были вопросные бланки, выяснявшие положение общего дела в других семинариях, их положения экономического и умственно-воспитательной постановки их. Нам удалось собрать обширный материал о положении воспитанников в дух. учебн. заведениях, вскоре, однако же, почти целиком поступивший в архив местного окружного жандармского управления, потом разбившего до мелочей все означенное наше дело. Еще пред самой Пасхой ректор семинарии Никон предупреждал нас, что, если мы не оставим нашего плана (в чем был наш план, он едва ли знал точно, по крайней мере не видно из его предупреждения, чтобы он знал суть нашего дела), то мы погубим себя и всю семинарию. Но кружок не обращал должного внимания на предупреждение начальства, а продолжал свое дело все далее и далее, пока Депертамент С.-Петербургской полиции не поручил Владимирскому жандарскому ген. Н. И. Воронову заняться раскрытием нашего преступного образа действий. Из дела воспитаника Богословского, обвинявшегося и затем судившегося за агитацию в вышеупомянутых семинариях, в местном жандарском управлении (в апреле, мае и июне) выяснилось, что в Тверской семинарии во время обыска были отобраны у одного воспитанника ректором семинарии вместе с книгами и все бумаги по нашему

делу. Бумаги эти были доставлены из Синода в Департамент полиции в Петербурге, оттуда во Владимирское жандармское управление, а из последнего в Правление Владимирской семинарии. Из конфискованных в Твери бумаг выяснились и главные виновники восп. Влад. Сем. 6-го класса Б. И. и бывший восп. Влад. же семинарии студент В. А. С—ов, затем и привлеченные оба к судебному преследованию по делу об агитации и возбуждению учащихся духовно-учебных заведений империи и склонению всех к подаче общей петиции министру народного просвещения о допущении окончивших дух. семинарию воспитанников по 2-му разряду в высшие учебные заведения наравне с студентами семинарии. Следствие и разбор дела вел сам жандармский генерал Воронов; только благодаря мягкости Воронова, протекции и тактичности Б. И. и В. С—ова дело кончилось сравнительно благополучно, можно даже сказать, что оно было погашено на половине. Одновременно с обвинением Б. И. по вышеупомянутому делу он обвинялся еще в участии издания арестованной где то в провинции газеты «Vanitas vanitatum», в том далее, что он снимался вместе с 18 воспитаниками, заподозренными в участии и сношениях с библиотечной группой, в фотографии Коренева, причем у последнего был отобран и 1 экземпляр группы, явившийся прямой уликой в глазах жандармского и семинарского начальства по отношению к снятым на этой группе воспитаникам в участии последних в деятельности семинарского кружка, который теперь всеми силами старались поймать и вытравить.... но без особенного успеха; в третьих обвиняли Б. И. в непосредственном управлении, заведывании и ведении всего библиотечного дела. Результатом всех расследований жандармск. управления и семинарского правления, рука об руку шедшего теперь с первым, было увольнение трех лучших по успехам и поведению воспитаников 5-го класса М. М. И. (теперь студента Юрьевского Унив.) С. М. Ф. (теперь репортера одной газеты в Петерб. и чиновника в сенате), и Н. А. А. (теперь студента Московск. Универс.), затем 13 воспитаникам 6-го класса даны были 4 поведения на выпуск и некоторым неодобрительные отзывы. Вот список пострадавших: Богословский Иван—студ. Варш. Ветеринарного Института. Никольский Сергей—учитель. Сперанский Федор—студ. Императ. Тех. Училища в Москве. Неаполитанский Иван—студ. Юрьевского Универс., Вигилянский Аркадий—студент Харьковского Ветерин. Института. Тихомиров Александр—учитель. Лихатский Михаил—учитель. Кудрявцев Александр—студент Томского Университета. Сергиевский Иван—студент Императ. Технич. Уч. в Москве. Авроров Алексей—студент Юрьевского Университета. Кручинин Сергей—студ. Юрьевского Унив., Неаполитанский Евгений—студент Дух. Казанской Академии. Шепелев Василий—студент Юр. Ветерин. Института. Владыкин—студент Имп. Техн. Училища. Изволенский Л. быв. студент Юр. Унив. и упомянутые: Молчанов Михаил, Соколовский, Альбицкий. Я приведу здесь копии некоторых воззваний, посланых Владим. Комитетом Общего Союза об'единеных семинарий «кружкам» последних:—«Товарищи, невесела наша жизнь семинарская. Строгий бурсацкий режим душит всех, у кого ум не дремлет, а сердце еще не разучилось любить. Думается поэтому нам, что не весело и вам живется. Но если так, то неужели нам и остается тол ко горевать да тяжело вздыхать под бременем семинарского режима и ничего не предпринимать для улучшения своего положения. Вы конечно спать не согласитесь. Да и мы говорим, что спать не стоит, а надо работат. . Мы уже и работаем в данном направлении насколько хватит сил. Эта же работа и породила у нас мысль, что, может, мы не одиноко стоим на этом пути, и что, может быть, и в других семинариях есть работ-

ники, нам подобные. А если же так, то зачем этим работникам, служащим одному делу, брести в одиночку. Азбучная истина гласит, что чем больше лиц трудятся над одним и тем же делом совместно, тем вернее успех этого дела; несомненно и наше дело было бы успешнее, еслибы мы завели живые сношения друг с другом—семинария с семинарией путем переписки. С полной увереностью можно надеяться, что результаты таких сношений были бы самые блестящие. Тогда явилась бы сильная нравственная поддержка в нашей общей борьбе с темными сторонами семинарской жизни при сознании, что рука об руку с тобой по тому же пути идут сотни, тысячи товарищей; тогда был бы живой обмен мыслей,—что, конечно весьма важно для саморазвития, тогда знакомство с бытом других семинарий, с жизнью их кружков и обществ, много научило бы нас опыту, тактике и т. д., и т. д. Кажется нам, что приведенные основания настолько важны, что они одни должны вызвать ваши сочуствия к нашей идее — еденение всех семинарий путем переписки. Можно бы, разумеется, приведенные выше основания развить еще больше, но это дальнейшее развитие предоставляется вам самим. Постарайтесь обсудить наше настоящее предложение всесторонне и о принятии его или отклонении его известить и нас по возможности в скором времени. План переписки таков: наша семинария, коей принадлежит инициатива переписки, соберет материал о положении всех семинарий, на основании собранного материала составит книгу, которую мы и постараемся в 2-х экземплярах разослать в каждую семинарию. Затем приступит к выроботке известной программы для действия сообща и т. д. Такого рода воззвания разосланы нами будут во все семинарии. Ответы на них покажут, есть-ли у семинаристов стремление к еденению или нет. Если есть, то тотчас же, по получении ответов мы и приступим к осуществлению нашей идеи. Причем всеми указаниями воспитаников других семинарий по данному вопросу мы будем весьма дорожить и за них сердечно благодарить. Адрес наш Г. Владимир, NN.

P. S. Места, более не удобные в переписке, просим писать знаками прилагаемой при сем письме азбуки.

К означенному письму были приложены еще и те 2 пункта вопросов, на которые кружки других семинарий должны были отвечать.

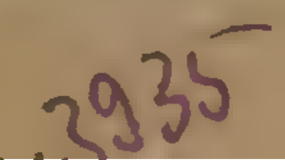
Мы приводим их кратко:

а) Общественная жизнь в семинарии. Проявление ее, организация библиотек, кружков по ведению библиотечного и связанного с нею дела, касс, сходки, предметы обсуждения на них, собрания разного характера и цели, устройство концертов, спектаклей, выписка газет и журналов. Случаи в примерах из вашей семинарской жизни, как характерные для степени развития, общественности в вашей среде, проявления ее: стремление семинаристов к улучшению своего положения (бунты, общие собрания), с одной стороны, и как иллюстрация взаимных отношений воспитанников и начальства (семинарского, жандармско-полицейского, общества и т. д), с другой. б) Экономическая сторона семинарского быта. Семинарские помещения: казенные (характеристика их с разных точек зрения, гигиены, комфорта и т. д.), частные (квартиры, их характеристика). Число учащихся в тех и других. Отношение инспекции к тем и другим. Пища, одежда (со стороны формы, качества, количества). Распорядок повседневного быта в семинарии. Его оценка и т. д. Ваши сведения о нашей семинарии, если имеете, то какие они.

Настоящее первое по счету письмо разослано было нами во все вышеупомянутые семинарии (21), которые не замедлили уведомить нас вскоре. В ответах своих они сообщили нам о своем полном

согласии сделать все по силам и возможности. По получении ответа из семинарий на это наше первое письмо, наш кружок разослал второе, в котором он просил их уведомить о своем согласии или отклонении (окончательно): а) войти в общий союз русских семинарий, а в роли посредствующей между всеми об'единенными семинариями признать Владимирскую, выделившую из своего кружка особый комитет по заведыванию всех дел означенного общего союза об'единенных семинарий, б) о своем желании или нежелании подчиняться данному комитету и предоставлении ему играть более активную роль и на правах уполномоченного в посредничестве с министерством просвещения и во всех дальнейших делах первой важности, и третье в) о согласии или несогласии с своей стороны отвечать на все вопросы в интересах союза. Затем в этом письме (разосланном в 21-ом экземпляре по числу желавших войти в союз семинарий) подробно указывалась и точно формулировалась главная и дальнейшая задача и цель союза: «Шире растворить двери в университеты для семинарской молодежи.» Подробно за сим критиковалась система семинарского образования, воспитания, права окончивших духовные семинарии, указывались причины, обусловливающие необходимость добиваться более широких льгот и прав, средства и приблизительные результаты. Замечу, что один публицист А. А. Б., которому известно было все настоящее наше дело, напечатал в одном из периодических изданий статью «Обойденные», где с цифрами в руках доказывал всю неосновательность министерского циркуляра, ограничивавшего второразрядников в их правах по окончании семинарии и вообще на желательность скорого изменения означенного циркуляра... За обширностью мы не привели целиком второго письма, которое имеется в наших руках в копии, а оригинал в архиве Владимирского жандармского управления, попавший туда в числе других документов по делу «Союза». Местом обсуждения текущих дел союза в течении зимних месяцев для комитета служил дровяной сарай при новом корпусе в ночное время с 10-ти до 11 часов в будни, а по канунам праздников до первого—при освещении фонаря и под прикрытием дровяных поленниц, высокой стеной закрывавших лицевую сторону «Ареопага» при бдительном надзоре часовых из «зрячих». Были недели, когда комитет собирался ежедневно. На этих ночных собраниях был выработан и проэкт об организации библиотек в тех семинариях, в коих их не имелось. Тогда удалось, напр., завязать непосредственные, живые сношения с воспитанниками Вифанской семинарии и положить там начало библиотеки, теперь окрепшей и твердо организовавшей вокруг себя кружок, правда незначительный, но дружный. Для означенной семинарии были приобретены и пожертвованы нами несколько редких книг: Знамение времени Мордовцева, Исповедь Л. Н. Толстого, Мыслящий Пролетариат, Наши усыпители Д. И. Писарева и т. п., чем и положили начало Вифанской библиотеке. (В описываемое время часто практиковался такой способ приобретения редких книг, которых в печати едва ли можно было достать, или если и можно, то за дорогую цену. А именно доставали оригинал—на время для переписки. Оригинал раздробляли на 2—3 листа, которые и раздавались на каникулы каждому из членов кружка и желающим из читателей для переписки в 2-х или 3-х экземплярах. После переписанные листы и оригинал сшивались, переплетались и получалось сразу 3 или 4 экземпляра. Так переписаны были: «Что делать» Чернышевского, «На новом пути» Долгова и т. д. Этот способ удобен и выгоден).

Все старания наши относительно устройства таких же библиотек в женской Владимирской гимназии и Шуйской, с коими велись живые сно-

шения, не имели успеха, исключительно только по отсутствию среди воспитанниц означенных учебных заведений таких, которые бы были в состоянии, как Владимирские семинаристы, совершенно самостоятельно вести дальнейшее управление своих библиотек, без помощи и поддержки со стороны. По выяснению этого обстоятельства решено было вместо основания отдельных библиотек в женских гимназиях предложить гимназисткам свои услуги—дать им возможность пользоваться книгами из семинарской библиотеки. Предложение это было встречено с большой благодарностью и принято всеми воспитанницами гимназии, с коими велись переговоры. Гимназистки затем основали небольшой кружочек среди воспитанниц Шуйской гимназии, вскоре впрочем распавшийся, как и кружочек во Владимире. На собрании членов нашего кружка (на кладбище—в усыпальнице Кузнецовых) в мае 95-го года намечены были и условия пользования гимназистками книг из библиотеки семинарского кружка. Очень жаль, что с уходом из женской гимназии 2—3 энергично взявшихся за это дело воспитанниц, начатая работа как то начала слабеть и, неблестящая в начале, она вскоре и совсем прекратилась. В означенном же году семинарский кружок завязал сношение и с мужской гимназией, которая только что лишилась всей своей библиотеки, целиком конфискованной местной жандармерией. Библиотека их потом легла в основу открытой вскоре публичной городской библиотеки за исключением, разумеется, тех книг, которые запрещены во всех и во всяких библиотеках и читальнях империи. С этого времени гимназисты могли получать книги из семинарской библиотеки, что и практиковалось в небольших размерах вплоть до 99-го года, когда для воспитанников гимназии открылся новый источник пользования книгами.

Из заслуживающих большого внимания в описываемую пору положения библиотеки и добрых начинаний семинарского кружка необходимо отметить еще попытку последнего оказать посильную помощь простому народу в деле его просвещения путем основания новых и пополнения старых библиотечек при сельских школах и читальнях. Симпатичная по идее мысль эта вышла из Владимирского землячества студентов Томского императорского университета, в то время живо следившего за своими младшими собратьями воспитанниками семинарии. Напр. в 96 г. в июне месяце студ. Д...й теперь ординатор М...ской больницы—на летней сходке семинарского кружка во Владимире, предлагал об'единиться семин. кружку с Томским землячеством и Владимирским землячеством в Москов. университете—но по некоторым обстоятельствам сем. кружок отказал чрез уполномоченного от Том. студ. Д—го и от Моск. студ. К—ва (теперь присяжный поверенный), в критические минуты оказывая материальную помощь (деньгами) и моральную поддержку посещениями и письмами, вызывавшими в семинарской среде под'ем духа и силу воли, энергии и труда в их тяжелой миссии... Мы не можем здесь привести одного письма (составленного студ. Баскаковым—теперь умершим) особенно оказавшего большую услугу семинаристам, сильно упавшим духом во время последующее за арестом воспитанника Белонина, заключенного в Петропавловскую крепость и других обстоятельств, повлекших за собой распадение кружка и заброшенность библиотечного дела в 92-м году—потому что при нас не имеется копии означенного письма, а оригинал был затерян в 94-м году во время повального обыска у квартирных воспитанников и ареста семинарской библиотеки (вскоре выданной обратно за ненахождением в шкафе ее книг запрещенных обще-государственной цензурой).

Предполагалось из кассы кружка отчислять небольшой процент на

покупку книг для народа и на частные периодические сборы по мелочам, купленные книги передавать затем в сельские библиотечки через народных учителей и учительниц, а где библиотечек нет—там положить им начало...

Кружек выпустил воззвание, обращенное ко всем товарищам о помощи в средствах. В воззвании кратко раз'яснялась суть дела, причины и настоятельная необходимость притти на помощь учителям, желавшим бы послужить народу, но по нахождении их где нибудь в медвежьих углах, удаленных от города на сотни верст, не имевших возможности выписывать дельные книги лучших фирм и издателей и кстати часто нуждающихся в средствах. Просвещение темных масс—великое дело! Пока простой народ ходит во тьме, коснеет в тине невежества, тонет в глубине предразсудков и суеверий, пока не имеет в себе средств развить умственной и практической сметки, как немцы или вообще все западно-европейцы—до тех пор он будет беден, грязен, груб, будет влачить жизнь дикаря, влачить жизнь, наблюдение за которой вызывает на лице путешествующих по России иностранцев смешную улыбку, сквозь слезы и сожаление.

«Придет ли времячко?
Приди, приди желанное:
Когда мужик не Блюхера
И не Милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет»—писал Некрасов.

Ведь азбучная истина политической экономии говорит, благосостояние народной массы прямо пропорционально ее образованности, просвещенности. Народ тем более и живет лучше, чем он более просвещен, и тем беднее, и жизнь его безотраднее, чем он невежественнее. На борьбу с ними и надо отдать все силы, ум и талант. Чистое учение Христа, других представителей демократической доктрины, в настоящее время социал-демократии и знание, добытое страшными усилиями, ценою великих самоотоержений лучших сынов человечества всех времен и народов—вот что должно войти в жизнь народных масс, осветить их жизнь и поднять на должную высоту разумного существования. Упрекают науку, что она бесполезна. Неправда —наука великое благо, но она была привиллегиею немногих, в этом виноват эгоизм. Да разве и сама религия не была также привиллегией жрецов. Разве во имя Христа—этого олицетворения всепрощающей любви не сожигали на кострах, не мучили, не распинали. Не нападайте же на знания, а помогите (если вы сильны) сделать народные массы причастниками науки. Ведь от народа этот светильник всегда держали под спудом. А между тем, сколько подвижников, гениальных умов, художников, поэтов, великих граждан дал человечеству этот серый народ. Необижена и наша родина, много в ней таится свежих, могучих сил и талантов, но только нет им доступа к свету и они глохнут, гибнут, никому неведомые. Освободите народ от незаслуженного им пленения и мир обновится, наступит возрождение человечества. Пусть свет во тьме светит и тьма не об'ят его. Ведь целые миллионы, товарищи, жили животной жизнью, прозябали, занимая очень низкую ступень на лестнице зоологической жизни, нарождая миллионы таких же, как и сами, и на такое же жалкое прозябание, очень незавидное. Нет миллионы эти не жили—они всюду в истории являлись только стихийной силой, орудием в руках высших. Только теперь они начинают повсюду просыпаться и уже проснулись. Открывают глаза и с изумлением, вопросительно смотрят на небо и землю. Везде лучшие люди

образованных классов идут к народу подать ему руку помощи. Пойдем же за ними, товарищи, и мы.

Воззвание читалось и за уроками, и в перемену, и шапка, ходившая среди воспитанников живо наполнялась копейками, полтинниками, рублями. На собранные деньги куплены были книги дешевых, но прекрасных издательских фирм: Комитета Грамотности в С. Петербурге, Москве, Изд. Поповой, Павленкова и др. *)

Это одно из симпатичнейших начинаний, к величайшему сожалению, оборвано было неожиданными обстоятельствами. С окончанием 6-го класса, дело это мог взять на себя всецело, заменивший его 5 класс—именно в лице некоторых воспитанников этого класса, горячо и очень дружно взявшихся было за это дело, но случайно по независящим обстоятельттвам принужденых оставить навсегда стены своей Семинарии. Оставшимся же коллегам их с окончанием 6 кл. впору под силу было исправно вести и одно дело —по библиотеке и делам кружкового характера... Чтобы приблизительно в общем представлять положение библиотеки и связанного с нею кружка описываемого (времени пол. 90-х годов), теперь необходимо еще в самых общих чертах обрисовать самую технику деа: организацию кружка, сферу его деятельности, способ пользования библиотекой и т. д. Организация кружка этого времени сложилась согласно §§ Правил библиотечного кружка, точно формулированных Ф...ком еще в 87—88 годах, а в описываемую пору вновь проредактированных и несколько измененных, применительно к изменившейся внешней обстановке, среде и т. д.

Нет нужды в виду этого описывать характер организации, а стоит только желающему ознакомиться с последним и прочитать самые §§ правил Семинарского кружка. Те же изменения и дополнения, которые были внесены в эти старые правила, мы приводим здесь. Новые правила эти касаются должностных лиц кружка.

§ 8-ой. (Проредактирован снова чвес в 1901 г.) «Должностными лицами наз. те, которые выполняют работы общества. Так как работа общества может быть постоянная и временная, вызванная каким нибудь обстоятельством или случаем, то и самые должностные лица подразделяются на постоянных, избираемых ежегодно и временных, избираемых по каждому отдельному случаю.

§ 9-ый. Общество должно состоять не менее как из 4-х членов (непременных): 3-члена исполнителя и из них 1 выбирается председателем общества и одного члена кассира.

---

*) Только часть книг первой партии была послана, остальные были конфискованы инспектором Евлогием, книги были посланы учителю-крестьянину, очень милому симпатичному человеку. Мы позволим привести здесь его письмо к нам; в своем письме он просит помочь ему. «Дорогие N. N. Посылаю вам ваши 8 книг, которые я брал у вас, остальные 2-3 пришлю летом, когда получу их от своих учеников... Сейте разумное, вечное, доброе... Все это хорошо и я согласен с поэтом. Но где взять кошниц новых семян. Неужели сам учитель заключает в себе и кошниц и семена. По моему, нет. По моему, учитель более всего есть только сеятель уже готовых семян, он есть только орудие, при посредстве которого ведется работа. И вот для моей школы (а таких много, многие слова поэта должны оставаться почти мертвой буквой, бесплодным приглашением без помощи. Нет у меня ни кошниц, ни семян в этих кошницах, нет у меня ни одной почти книги. А между тем кругом у меня нужда в них, нужда большая, нужда громадная. Поэтому я обращаюсь, друзья, к Вам с просьбой. Соберите по товарищам копейки по 2 с человека, купите на них детских книжек и пришлите их в нашу школу. Копейки по 2 вещ. Вам ничего не стоит дать, а польза от них здесь будет громадная.

Прощайте. Остаюсь учитель N-ской Школы N.N. 96 г.

§ 11. Кроме непременных 4 членов, в общество избираются помощники им, числом тоже 4. На обязанности их—выполнение работ первых за их кратковременным отсутствием по той или иной причине и в обычное время содействие им.

§ 14. Члены исполнители (4) должны быть избираемы по одному из 3-х высших классов. Помощники их из 2, 3, и 4 классов.

§ 18. Член «исполнитель» должен ведать все взятые им и его помощниками книги, вести точную им запись и следить, не лежат ли взятые книги без употребления, в таком случае снести их куда следует или пускать в употребление.

§ 19. Помимо общего места хранения книг, член исполнитель должен заботиться о приисках еще частного места хранения книг для себя.

§ 22. Товарищ исполнителя доставляет книги в свой класс, получая их от своего исполнителя, руководству которого он подчиняется во всем.

§ 27. Председатель ведет общую запись всех выданных книг на отпусках, а в учебное время должен лишь, сносясь с исполнителями, знать, какие книги находятся в их ведении.

§ 29. Председатель ведет отчетность по делам библиотеки, которую и представляет 3 раза в год на осеннем, январском и майском собрании всех членов О-ва: а) о количестве читающих книг в разных классах и отделениях, б) о числе книг выдаваемых по классам и отделениям, с) о количестве утерянных, конфискованных и вновь приобретенных книг и рукописей.

§ 31. Председатель непременно участвует при назначении книг на отпуски.

§ 33. Председатель с согласия членов (3-х или 4-х) назначает собрания, указывая время и место сходки.

§ 34. Ему два голоса на собрании.

§ 35. Он следит за порядком прений на общих собраниях.

§ 40-50. Кассир лучше всего выбирается из городских воспитанников (в предупреждение лишиться денег). Ведет всю отчетность по поступлению доходов (членских, частных, лоттерейных и т. п.) и расходов; представляет эту отчетность собрания и частным образом председателю—в промежутки времени между собраниями. В случае утрат денег кассир всегда и безусловно отвечает за них.

§ 50-60. Члены О-ва—соревнователи. Число их неопределенно. Обязанность их—содействие делу кружка, пропаганда, материальная поддержка, не имеют права голоса на сходках общества и т. под.

Вот главные дополнения и изменения старых правил Семинарского кружка, мелкие же мы опустили, как имеющие временный и частный характер. Мы очень должны сожалеть, что попытка нашего кружка вести живые сношения с другими семинариями так печально окончилась. Если бы она могла продолжиться и на будущее время, то очень многое бы, что есть хорошего в организациях одной семинарии, позаимствовано было бы другой и наоборот—не говоря уже о той чисто моральной поддержке, когда знаешь, что по тому же пути, по которому идешь ты, идут целые тысячи юношей —твоих товарищей искать и добиваться света и правды. Мы позволяем себе здесь привести несколько писем, полученных от организаций разных семинарий.

Из Астрахани пишут: «Дорогие товарищи! Ваше предложение вступить в общую борьбу с общим врагом, наш кружок охотно принимает и с своей стороны, насколько это возможно, постарается завербовать дру-

гие семинарии. Не знаем, вступили ли вы в сношение с Тамбов. Семин. и Тифлисской—и в той и другой, из достоверного источника нам известно, существует семинарская организация, а в последней (в Тифлисской) довольно сильная, с боевым характером. В Томбовскую же послано предложение войти в общий Союз об'единенных семинарий и скоро вы получите от них извещение. Ответы на ваши вопросы, подробные и более или менее обстоятельные, будут высланы вам не ранее того времени, которое вы обозначили—наступают экзамены, приходится ради шкуры собственной подтянуться, материалы же собираются, и тогда к означенному вами сроку придется только привести их в должный порядок. Сейчас же мы только вкратце сообщим кое что. Не безызвестно вам, что в нашей семинарии безлюдье—всегда 168 человек, а оттого и кружок наш не богат численностью. Являясь полными невеждами из дух. училища, семинаристы в большинстве случаев не могут приучиться к правил ному мышлению, к разумной сознательной работе. Поэтому большинство представляет из себя тип заурядных личностей, из которых впоследствии формируются негодные попы и дьячки. Относясь почти индифферентно к своему умственному и нравственному развитию, многие в особенный антогонизм к товарищам противоположного направления не становятся. Ищущие самообразования и саморазвития сплотились в кружок, который то полнел, то убывал, то жил энергичнее, то затихал не так давно, больше 5-ти лет тому назад. Конечно, постарались обзавестись библиотекою, правда не очень богатою книгами в количественном отношении. Жизнь кружка нашего после истории в 95-96 уч. году в начале нынешнего года немного притихла, теперь же забилась энергичнее, живее.

Про окружающую нас среду из городской интеллигенции, нужно с горечью на сердце признаться—она не очень благоприятна. Заброшенный в сторону от удобных путей сообщения, целые 4 м-ца запираясь в самом себе как улитка (во время разлива реки) с иноплеменным восточным населением, наш город не обладает счастливыми благоприятными условиями для развития умственной живой работы. Много конечно виновата и сама интеллигенция. Апатия, отсутствие энергии, безмолвие какое-то, погружение в житейские страстишки раз'едают ее. Есть, конечно, здесь и светлые личности среди нашей обездоленной интеллигенции, личности, у которых еще не потух внутренний жар работать не на словах только, а на деле, которые «живут» не только сами, но других пробуждают от умственнного сна, обломовского безмолвия и безволия и заставляют учиться, читать, наблюдать, думать. Один из подобных людей имел нынешний год с нами сношения, но к нашему большому сожалению, его пребывание в нашем городе временное и вот вот близится конец. Не знаем мы как у вас на этот счет, а что касается нас, то со стороны ждать поддержки действительной и верной—довольно сомнительно. Не подумайте, чтобы это обстоятельство в конец подавляло нас собою. «что начато, то не должно погибнуть или заглохнуть» и у нас есть основания принять эту мысль: за нынешний год заметно особенное пробуждение кружка, а на следующий год он пойдет жить крепче, бодрей, энергичнее.

Мы—оканчивающие курс и вот-вот долженствующие расстаться с семинарией minimum на целый год—нам хотелось бы и интересно знать, по крайне мере, главные основания предполагаемой совместной работы, борьбы с общим нашим врагом. Будет на душе спокойнее, сердце отляжет, когда будешь скорее знать это, ergo, если можно, то сообщите скорее и до 10—13 июня, потому что больше нас не будет в городе. Ждем письмо

из Тамбова, чтобы послать туда ваше предложение, которое, конечно, принято будет с охотою и радостью; наведут справки про Тифлисск. семинарию. Продолжаем:

У гимназистов, реалистов кружков самообразования, организаций и библиотеки при них не имеется. Есть между ними читающие и довольно начитанные, но идут «по одиночке», в разброд. Тот же самый господин организует кружок среди реалистов (и не без успеха), так что тогда будет живей среди учащейся молодежи. А если бы вы знали, как поднимается дух, является энергия, подъем силы, когда известно, что ты не один в поле воин, что за то же дело борются целые дисятки, сотни людей, что они готовы всегда поддержать падающий дух и словом ободрения и делом. Молим судьбу о полном успехе нашего предприятия, сами же будем стараться общими силами, единодушно и единогласно поставить его на твердую почву, сделать его разумно и практично. Мы—астраханцы, с полной готовностью подаем вам, добрые товарищи, свою руку, и будем вести честно и добросовестно и неленостно общее дело. Относительно «благополучности» про нынешний год должно сказать —да. Инспекция в лице нового инспектора, очень несимпатичного, правда, суб'екта, нелюбимого учащимися, не предпринимала никаких гонений на читающих; ограничилась только несколькими обысками, да и то случайно. Очевидно, инспектор лавирует и подстраивает махинации; ведь прошлогодняя история ему известна. А в прошлом году эта история возникла из за вареного яйца, хотя грозила окончиться скверно, а для некоторых и окончилась не совсем желательными последствиями. Но подробности этого до следующего раза. Вообще-то говоря, у нас все спокойно и сходило благополучно да и теперь, как только позабудется, изгладится из памяти прошлого года история, тогда можно будет действовать смелее и живее. А пока стараемся быть осторожней, хорошенько закрепить наше кружковое дело, совсем было расстроившееся. Когда мы прочитали ваше предложение и увидали, как блестяще стоит дело, как у вас энергично работают, то лица прочитавших ваше предложение и письма, как-то засияли живей, про Тамбов кратко сообщаем вам следующее: кружек начался там года три тому назад (92 г.), мысль возникла самостоятельно у одного 4-то-классника; теперь у них до 200 книг, идут чтения, хотя жаловались, что не особенно оживленно, семинарское начальство узнало «про читающих», не преследовало особенно, или вернее сказать не могло проследить. Между прочим, ректор изблевал замечательные слова, которые достойны занесения на золотые страницы истории русского просвещения: «лучше бы курили, пьянствовали и делали что нибудь подобное, но не читали этих книг»! Его прекрасно отшили и он остался не причем. Теперь все воспитанники знают про существование библиотеки, относятся хорошо, берут читать. *)

Между прочим, у Тамбовцев существует следующий способ хранения библиотечных книг и рукописей: все книги разделены по числу книгохранителей (их 10) под непосредственным наблюдением главного библиотекаря, че-

*) В то-то [illegible] подобное сказал инспектор Владим. Сем. Евлогий Соколовскому М. Ф., который попался в книге, теперь дозволенной к обращению даже в порядочных читальнях: Жизнь растений Тимирязева. Евлогий спрашивает С—ского, а почему это вы не читаете по естественным наукам ученых (т. е. духовных) напр.: говорит, великого естествоиспытателя Василия Великого. С—ский ответил Евлогию, «как же это только его читать, когда он учил, что солнце ходит, а земля стоит; и почему же, если только ваши дух. ученые правы, то не читают их с кафедры в университетах и сочинения их не цитируются? Евлогий только и мог ответить на это С—му, почему он не стрижет волосы и не застегивает пиджак. (95 г. февр.)

рез которого и узнают у кого такая-то книга. При малом пока количестве книг способ этот удобен, но частые выходы книгохранителей сем., увеличение числа экземпляров книг в библиотеке—заставляет оставить этот способ. Тифлисская семинария работает очень живо. Южане, горцы, питая национальную ненависть к монашествующей инспекции, протестуют единодушно и крепко. Так что недавно года 3-4 тому назад семинарию закрывали (вооруженное нападение и убийство ректора), была масса уволенных, даже без права поступления в какие бы то ни было учебные заведения. Двое из уволенных поступили к нам в пятый класс и нынешний год кончают курс. Они передают, что там идет оживленно кружковая работа. Читают, делают рефераты, имеют связи с посторонними лицами имеют библиотечку, не смотря на такие строгости, что за чтение «Отцы и дети» или «Мертвый дом» их наказывают карцером и даже увольняют. Ведь просто мы не верили их рассказам; ведь это чистая невозможность; нечего говорить, как жали и давили, всячески насиловали, отвратительно кормили и (что верх наглости и издевательства) глумились над национальностью (семинар. большинство грузинцы). Но они и дали же им отпор, настойчивый твердый и благоразумный: не стали ходить в классы и на обед, послали депутацию и требовали к себе экзарха. Приехал даже товарищ обер-прокурора и постарался... разогнать, почти что только и сделал. Ну они вам сами сообщат все подробно и обстоятельно, согласно вашей программе.

Пишите, что и когда найдете необходимым.

Ваши друзья и братья Астраханцы.

6-го мая 97-го года.

Различные причины обусловливали то обстоятельство, что данный материал к истории семинарского кружка и его библиотеки очень и очень мал, многие данные и довольно интересные совершенно опущены (напр. 70-е года, да пожалуй и время 60-х годов), которые составлены очень обще, вообще пробелов в означенном очерке масса. А последние годы совершенно даже и не упоминаются, ведь—

«Ходить бывает склизко
По камушкам иным—
Итак, о том, что близко
Мы лучше умолчим.»

Очень желательно, чтобы всякий, кто заинтересован в деле кружка, приложил старанья к собранию материала по его истории, направляя его куда следует. Кружок за малейшее сообщение будет весьма благодарен и с своей стороны примет к сведению всякую заметку даже малейшую. Заметим, что многое, чем располагает кружок, не было в данном очерке приведено, исключительно только из тех видов, чтобы не навлечь кары со стороны начальства. Приведены же здесь лишь такие факты, которые довольно в свое время были известны и притом-же те факты, за совершение которых виновники уже понесли известное наказание или кару в свое время,— так что упоминание этих фактов, вновь приведение их в гласность не может привлечь уже повторения взыскания или преследования. Последнее же весьма важно. Кружок, чтобы он был цел, чтобы он был жизнедеятельный, чтобы сфера влияния его была обширной, он нравственно обязан гарантировать успешное поведение, как каждого из своих членов, так и всех остальных лиц, которые состоят хотя бы в самом косвенным отношении. Он не должен подавать повода хотя бы для малейшей тени подозрения и преследования своей нетактичностью. Важна с другой стороны и поддерж-

ка той среды, товарищей, общества, среди коего он работает. Поддержка эта может быть двоякой—нравственной и материальной. Для иллюстрации приведем факт, имевший место в 89-м году. В 3-м классе возник спор о бытии Божием. Одни из членов кружка высказали свое сомнение в возможности чудес. Другие упорно утверждали возможность их. Прекрасно. Спор бы и должен кончиться спором. Но случилось, что один из фанатиков С. Н—ский доносит, что такой то (В. А. В.) издевался над иконой—нарисовал на классной иконе рога. Зачем же было доносить Н—му о В. А. В., когда этот самый Н—ский поставил в конце спора В—ву вопрос ребром «а ну попробуй, что либо сделать с иконой и уверуешь в чудо». В—ву для доказательства своего мнения пришлось проделать продолжительный опыт—именно нарисовать что либо на святыне—он и нарисовал лучшее, рога. Всякий благомыслящий из учеников не предложил бы таких вопросов ребром и тем увлекающегося В—ва не вызвал бы на неуместный поступок, во-первых, во-вторых, никогда бы не позволил себе донести про своего товарища по начальству.

Н—ский, (теперь преподаватель Г—ской гимназии по математике и физике) ужасно раскаивается в своей подлости по отношению к В—ву, виноват который был лишь только в том, что слишком был увлекающейся сангвинической и решительной натурой (В—ов теперь артеллерийским офицером в Царстве Польском). Со стороны Н—ского поступок его не был нравственной поддержкой кружка, потомучто не верно констатированный факт возмутил многих и временно скомпрометировал товарища В—ва, заведовавшего библиотекой. Не будет нравственной поддержкой кружку со стороны воспитанника, кроме подлого предательства также небрежное отношение к книгам библиотеки, напр. потеря книги и нежелание выплатить за нее должную сумму в кассу библиотеки, впрочем, такие факты редки, но все же бывают. Всякий, напротив, должен стараться всеми силами оказывать кружку полное материальное содействие. Копейка представленная в кассу не разорит жертвователя а делу кружка окажет важную услугу. Какой нибудь рубль в год уйдет себе так, зря на всякую глупость, для библиотеки же он сыграет большую роль. Ведь не о хлебе едином жив человек. Удовольствия для желудка скоропреходящи; идеи же, умственный идеальный мир, который открывают читателю книги великих авторов, не умрут в душе его до гробовой доски—будут неиссякаемыми источниками высочайшего наслаждения, облагородят его ум, поступки, всю его жизнь, она не будет так низменна, мало отличной от прозябания твари, стоящей на низшей ступени зоологической лестницы, а возвысится до степени соответствующей назначению человека как царя природы. Человеку, умственно развитому, стоящему выше мелочных, будничных дрязг, мелочных корыстных забот и стараний даже при полнейшем отсутствии всяких материальных средств, жизнь не будет томительной, монотонно-скучной, как постукивание маятника стенных часов, упорно отстукивающих время.

Три года тому назад нам удалось быть в одном огромном городе в пасхальное время. В первый день пасхи мы пошли навестить своего земляка—студента университета, нашего симпатичного друга и бывшего учителя. Стояла чудная погода. Весеннее солнышко светило на небе, бросая на землю свои живительные лучи. С высоких колоколен неслись пасхальные звуки церковных колоколов, каторые то заливались трелью, то рыдали словно рояль, то плакали словно колокольчик ямщика в степи среди песков и равнин. По роскошным улицам целые тысячи народа суетились, бежали, перегоняя один другого, все в щегольских нарядах с сытыми доволь-

ными по праздничному настроенными физиономиями, мчались кареты, богатые экипажи, тянулись громоздские конки, набитые публикой. Мы своротили в узкую улицу, в сырую, мрачную. Огромные здания, не допускавшие солнечного света, прямо действовали подавляющим образом. Вошли в один многоэтажный дом и в нем в мансарде на 8-м этаже, почти под самым небом нашли нашего друга—в какой-то каморке бедной темной крохотной, едва нас вместившей, мы нашли коллегу лежавшим на постели под шинелью и рваным одеялом. В комнате была ужасная сырость. Бледный как труп лежал X на постеле, удушливый кашель мучил его, усталый холодный и голодный, он едва мог говорить с нами и говорил каким то глухим замогильным голосом. Под гнетом несчастий, всевозможных материальных лишений провел он лучшие годы детство и юность. Жажда знаний не могла однако удержать его от дальнейших попыток учиться. Нам приходили самые мрачные мысли, точно мы собрались у гроба почившего: мы думали, что судьба погрузила X на самое дно пропасти житейского омута и, может быть, готовит еще более тяжкие удары и рано или поздно погрузит его в самую бездну отчаяния и скорби. Нам казалось, что такая жизнь безрадостна, полна страхов, опасений, скучна и томительна, что она будет и еще тяжелей. Но мы ошиблись, потому что видели тело, но не ощущали огня его души, широким горящим светом, светившим кругом, что тьма не об'яла его, а рассеялась, как при восходе солнца. В X было столько энергии, которую он почерпал из источника знаний людей и общества, что он победоносно пережил время лишений (годы студенчества) и теперь доблестный гражданин России, один из тех про которых пел Н. А. Добролюбов:

«Природа мать, когда-б
Таких людей ты иногда не посылала миру,
Заглохла-б нива жизни»...

ЗАПИСКИ Н. Л. СКАЛОЗУБОВА О ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Николай Лукич Скалозубов, известный общественный деятель, крупный и очень многосторонний культурный работник, никогда не занимался боевой политической партийной работой. Но как почти всякий выдающийся русский общественный деятель Н. Л. в свое время неизбежно должен был, по условиям русской действительности, чтобы иметь полный стаж, так сказать, в отношении общественности, пройти чрез тюрьму и даже ссылку. Это было в 1906 году. Ему инкриминировалось: 1) устройство крестьянского с'езда, который распоряжением министра был закрыт, хотя телеграмма об этом была доставлена в Тобольск после окончания с'езда, и разговор с запасными в с. Бронниковском. Из ссылки Н. Л. попадает во 2-ю Государственню Думу, а потом и избирается и в 3-ю Госуд. Думу *).

Среди обширного рукописного наследства, оставленного Николаем Лукичем в виде дневников, в которые им заносились главным образом наброски литературных и научных работ, выписки из прочитанных книг, встречаем страницы, относящиеся к этому периоду его жизни. Эти страницы дневника начинаются с 19 январч 1906 г. со дня ареста, далее с небольшими

---

*) Материалы для биографии Н. Л. Скалозубова:

Письма и дневники Н. Л. Скалозубова, хранящиеся в архиве Об-ва по изучению Костромского края.

А. Березовский, Воспоминания о Н. Л. Скалозубове как члене Государственной Думы. Вестник сельского хозяйства, 1915 г. № 9.

А. Гордягин, Памяти Н. Л. Скалозубова. Приложение к протоколам заседаний Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете, Казань, 1915 г., № 312. Отд. оттиск.

А. Кауфман. Памяти хорошего человека. Современное Слово, 1915 г., № 2553; тоже в «Речи» № 49.

М. Костюрина, Светлой памяти Н. Л. Скалозубова. Сибирский Листок, 1915 г. № 22.,

В. Костюрин, Памяти Н. Л. Скалозубова. Сибирский Листок, 1915 г., № 24.

А. Мальцев. Н. Л. Скалозубов. «Труды Бюро по прикладной ботанике», VIII (1915), № 7, 845—856. Отд. оттиск.

В. Нагорский, Воспоминания о Н. Л. Скалозубове. Рукопись, хранящаяся у А. Л. Скалозубовой.

И. Попов, Н. Л. Скалозубов. Русские Ведомости, 1915 г., № 44.

В. Смирнов, Н. Л. Скалозубов. «Труды Костром. Научного Об-ва по изуч. местн. края», вып. IV, 1—12 стр. Отд. отт.

Е. Фениксов, Речь на панихиде по Н. Л. Скалозубове. Сибир. Листок, 1915 г., № 22.

А. Фортунатов, О литературном наследстве Н. Л. Скалозубова. Вестник сельского хозяйства, 1915 г., № 14.

З. Френкель, Н. Л. Скалозубов. Земское Дело, 1915 г., № 5, 321—323 стр.

М. Шатерников, Н. Л. Скалозубов. Отчеты органов об'единенных агрономич. сил в Финляндии. Изд. Моск. Об-ва Сел. Хоз. М. 1916 г.

Ф. Штумпф, Памяти Н. Л. Скалозубова. Кооперативная Жизнь, 1915 г., февраль.

Н. Л. Скалозубов. Курганский Вестник. 1915 г., № 20.

Н. Л. Скалозубов. Омский Вестник. 1915 г., № 41.

Н. Л. Скалозубов. Земледельческая Газета, 1915 г., № 9.

Н. Л. Скалозубов. Сибирская жизнь, 1915 г., № 41.

Н. Л. Скалозубов. Современное Слово, 1915 г., № 2551.

Отзывы Сибирских газет о Н. Л. Скалозубове. Сибирский Листок, 1915 г., № 25.

Похороны Н. Л. Скалозубова. Там же, № 26.

перерывами они продолжаются во все время семинедельного одиночного заключения; из дневника, относящегося ко времени ссылки, лишь очень краткие заметки имеют отношение к вопросам общественно-политическим. В это время, научные интересы почти совершенно вытеснили из внимания Н. Л. вопросы политики и личных переживаний.

Дневник в части, касающейся тюрьмы, является краткими записками для себя, представляет отрывочные заметки тюремных наблюдений и переживаний, в большинстве случаев в довольно спокойном тоне. Такая сдержанность дневника об'ясняется не только тем, что он велся в тюрьме, где его могли из'ять и прочесть, но и самым характером Н. Л.-а, умевшего даже при таких обстоятельствах погружаться в научные занятия. Голод по интеллектуальной работе, остро испытанный им в первые дни тюрьмы, как только был удовлетворен присланными сюда книгами, забывается и в то время как его товарищи по тюрьме жалуются на скуку и одиночество, Н. Л. чувствует себя, по его выражению, как рыба в воде. Здесь он работал, по его словам, через силу, и день за работой проходил незаметно. «Занимался,—пишет он,—с 8 три четверти до 2 с половиной часов с перерывом на прогулку и завтрак 30 минут и от 7 до 11 часов вечера, причем около часа за чаем». К своим работам по подсчету, напр., зерен колосьев он привлекает и своих товарищей по тюрьме.

В ссылке в Березове Н. Л. почти совсем перестает отмечать свои переживания и впечатления от жизни ссылки, повидимому он скоро теряет интерес к коммуне ссыльных; политические события и борьба протекают далеко от Березова, и он весь уходит в научно-исследовательскую работу. Он занимается естественно-историческими наблюдениями, его привлекают этнографические и хозяйственные вопросы края. Эти страницы дневника имеют свой исключительный интерес с научной точки зрения и когда-нибудь должны быть также напечатаны.

Записки Н. Л. Скалозубова прежде всего представляют интерес с точки зрения нового материала для биографии этого редкого человека, освещая отчасти его политические вкусы и настроения. Но в то же время они интересны и для характеристики тех условий общественной среды, в которой приходилось жить и работать Н. Л.-у, дают некоторые подробности относительно процесса, в результате которого он поплатился тюрьмой и ссылкой и наконец в них имеются любопытные штрихи для характеристики бытовой стороны тюремной и отчасти ссыльной жизни.

Вас. Смирнов.

15, 16 и 17 декабря 1905 г. происходил устроенный мною с А. Н. Ушаковым и И. Я. Уфимцевым с'езд крестьян. Результатом, не вытекавшим из событий, была отставка губернатора Александра Павловича Лаппа-Старженецкого, введение в части губернии военного положения, назначение Тройницкого и. д. генерал-губернатора, закрытие «Сибирского Листка» и «Сиб. Торговой газеты» и аресты 19-го января меня, Ушакова, Уфимцева, Рожковского, Костюрина, Великошевского, Степанова, Башкова, Антипина, Лещинского, Сысолова. На 19-е января, в четверг, в 1 час ночи, когда я после составления очередного номера отдела сельского хоз. ужинал один—все уже спали, послышался странный стук в окно комнаты, где спал Юрий. Я вышел в сени. Слышны были голоса, шум шагов. Кто? Я, отоприте—голос исправника. Сердце екнуло. Отпер. Явился исправник Петухов с 2 понятыми, жандармами и солдатами. С обыском. Оцепили квартиру. Я просил никого не будить. Распоряжения отдавались шопотом. Все имущество моих трех комнат стащено было в две, они закрыты и опечатаны. У дверей оставлен стражник. Затем Петухов попросил разбудить жену, чтобы посмотреть все комнаты, пошли лазать по ящикам, сундукам, комодам. Кончили в третьем часу. Тогда исправник пред'явил мне постановление начальника жандармского управления об аресте как подозреваемого в государств. преступлении. Потребовал подписи под протоколом осмотра. Я подписал, что при этом незаконном деянии, преступно нарушающем высочайшую волю, выраженную в манифесте 17-го октября, присутствовал. Затем прощание с женой, спящими детьми. Повезли. У Ушакова в квартире огни, на улице в открытых воротах солдаты. Открылась калитка в решетке больших ворот Губ. тюрьмы. Очевидно, я был первым, смотритель еще спал в конторе. Его разбудили и я был сдан. Повели какими-то переулками в ворота через двор. Вошли в длинный коридор. Для меня открыли первую от входа дверь, 1-й номер. Мрачная с грязнобелыми стенами камера. На койке соломенная плоская подушка и тюфяк, представляющий из себя войлок в чехле. На крошечном столике со шкафчиком внизу надзиратель поставил лампочку, дверь затворилась и замок щелкнул. Ночь. Уснуть, конечно, не удалось, не спалось. Попробовал забыться; погасил лампу и улегся. Опять щелкает замок: лампу гасить нельзя. Часа в три слышу шум, кого-то еще привезли. Слышу голос Лещинского: просит отвести ему камеру потеплей; еще через час-два голос Ушакова: просит отвести ему камеру попрохладней; затем еще кого-то и, наконец, под утро Рожковского, тот спокойно и властно распорядился сделать какую-то приборку в камере. Далее все утихло. Я крикнул в дыру двери: Ал. Ант., Алек. Николаевич. Дали весть друг о друге.

19 января. Первый день прошел однообразно. Нервное чувство отсутствие свободы. Решетки в окнах, стекла которых совершенно затянуты морозом. Вспомнилась Шлиссенбургск. крепость, о матовых стеклах которой только что читал с женой вечером 18-го января у Кулябко-Коренского в «Русск. Слове». В круглом отверстии двери часто появляется глаз то надзирателя, то часового. Это особенно на меня раздражительно действует. Утром, когда видимо все камеры были заняты, я попробовал уснуть. Тщетно. Душно. Парашка стоит возле жаркой печи. Запах мочи распространяется по камере. Мысли прыгают, ни на чем не останавливаясь. Постепенно по

голосам узнаю соседей: Лещинский, Ушаков, далее неизвестный, потом Рожковский. В коридоре солдат с ружьем и дежурный надзиратель. Благодушные. Утром приходил начальник тюрьмы заявить, что продовольствоваться мы должны сами, нам будут отпускаться кормовые. Захотелось чаю, своих чайников нет: у арестанта на столике большая синяя эмалированная кружка для воды и миска. Надзиратель предложил свой чугунный чайник с кирпичным чаем и свою грязную чашку, постоянно извиняясь: сахару, извините, нет. Затем вышел. Снова щелкнул замок. Скоро опять вошел—солдат часовой прислал два куска сахару. Большое спасибо.

Днем удалось перекинуться приветствиями с А. А. Лещинским. Кто сидит в 4-й камере так и не узнал. Пришло в голову, не помещен ли кто прислушиваться к разговорам. Лишь вечером узнал, что это И. Я. Уфимцев.

Приходил товарищ прокурора по поручению прокурора: не нужно ли нам о чем с ним переговорить. Я прошу о книгах и пр.—Это дело жандармского управления, так как мы арестованы по его распоряжению, что оно в праве сделать на срок до двух недель; далее до месяца арест может быть продлен по распоряжению губернатора. После этого срока дело должно быть передано прокурору и тогда мы будем иметь дело с судом. Я поблагодарил посетителя за внимание.

Вечером около 5 часов проверка, дверь отворяется, мимо нее, немного задерживаясь и окидывая камеру ревизующим глазом, проходит смотритель тюрьмы в сопровождении нескольких надзирателей. Из дому наслали с'естных припасов больше, чем надо. Хотел поделиться с соседями, но и они тоже получили с избытком. Хлеб и котлеты отдал надзирателю и часовому. Вечером какой-то стук, вколачивают как гвозди в гроб—оказалось вешают для нас в коридоре умывальник.

20 янв. Утром поверка гасит лампу. Выпустили из камеры умываться. Женщины из женского отдения тюрьмы моют камеры, что позволяет узникам попеременно выходить в коридор и отрывками беседовать друг с другом. Узнал: арестованы еще Вилькошевский, В. Ф. Костюрин, но они в другом корпусе. Начальник принес бумаги и чернила. Я написал начальнику жандарм. управления, чтобы он разрешил мне присутствовать при осмотре моих бумаг, чтобы телеграфировал в Департамент Земл. о моем аресте, чтобы разрешил книги. Начальнику тюрьмы написал о разрешении прогулок, о присылке железного купороса для дезинфекции парашки. Советовались с таварищами просить, чтобы на день камеры открывали. Надзиратель Трухин обошел камеры и просил, чтобы до 11-ти часов написать требование жандармскому. Говорят, сегодня он будет здесь, его просил Рожковский. Пока мыли полы Лещинский об'яснял присутствующим, за что нас арестовали. Около 12 часов принесли провизию. Приходил новый товарищ прокурора, любезно осведомлявшийся, не нужно ли чего? Смена часовых, слышны голоса: никуда не пущать?—Нет, в нужник можно.—А туда не пущать? А зачем они туда пойдут? В 4 часа 10 минут выпускали на прогулку по одному на квадратный дворик, на половине которого против наших окон разбит садик. Гулять позволили каждому по 15 минут. В 4 с половиною часа проверка. Лампы зажигают. Составил проект разработки материалов об удое стада фермы. Чтение «Русских Ведомостей».

21 января суббота. Заходил доктор С. М. Кевлич, однако говорить с ним нельзя было. Кроме вопроса о здоровьи—ни о чем другом говорить не позволяют. В 3 ч. вызывали в контору к жандармскому полковнику Устинову. Ваша фамилия?—Скалозубов. До сих пор не были знакомы. А!—Да, позвольте узнать причину ареста? Это узнаете через несколько дней, когда пред'явлю

обвинение. В результате посещения жандарм. оказалось, что из дому не можем получать готовой пищи. Со слов Устинова узнал, что Вентцер удален со службы; арестовано всего 10 человек. На мой вопрос о судьбе канцелярии Устинов ответил—ее принимает назначенное ген. губ. лицо; я удивляюсь, кого же он мог назначить?—Да это не у вас. ну ведь всех не упомнишь, всех арестовано 10 человек. Когда выходил. слышал приказ привести Сухова, которого--старшего или младшего? Вечером поочередно ходили принимать ванну.

Слышал: арестовали двоих Дурневых, что то шумели в мещанском собрании; всех взято 5 человек.

22 января 1906 г., воскр. Ночью страшно жарко и душно. В 10 часов утра приходит А. В. Пятченин—начальник тюрьмы. Завели строгости. Не позволяют разговаривать даже мимоходом с соседями. Запретили Рожковскому петь, даже бурчать про себя. Прекратили пере-дачу вещей из номера в номер. И солдаты стали какие то грубые. Обед решили заказывать у повара Сулковского. В 4 и $^3/_4$ часа вечера водили на 15 минут гулять, надзиратели аккуратно следили за сроком:« можете кончить». Домой писал письмо о письменных принадлежностях, столе для занятий, книгах, работе.

23 января понед. Все стихли, переговоров нет. Книги, захваченные в тюрьму при аресте, д. б. Рожковским все прочитаны. Скучно. Приходил Леонов—юристконсульт Управ. Г. Им. Фролов сделал незаконное на мой взгляд распоряжение о приеме от меня канцелярии. Леонов обращением со мной хотел выразить какую то свою виноватость, что попал в эту историю. Жал руку. А книг все нет. Вечером получил историю Росс. Соловьева.

24 января вторн. Отменено распоряжение, по которому выходить из камеры после 9 часов вечера нельзя. Приходил С. М. Кевлич. В 4 с $^1/_2$ часа проверка, в 5 прогулка. «Потрудитесь кончить прогулку». Починивал свое платье. Читал Соловьева.

25 января среда. Появились клопы и блохи; видел мокрицу, летала моль—энтомологическое население камеры. Письма жене и генерал-губернатору. Мыли пол. Повесили в углу икону Божией Матери. В 4 с $^1/_2$ часа проверка. Прогулка. В 7 часов совершенно для меня неожиданно произведен обыск в камере. Перерыли все, только самого не трогали. Обидное чувство. Лихорадит. Мысли скачут.

26 января четв. Еще вчера произошла смена надзирателей; первые перешли на «наружное дежурство» Опять тот же порядок вставания и умывания: первым поднимается А. Н. Ушаков, потом я, перерыв, Лещинский, Уфимцев, перерыв, Рожковский. Смена часовых: «пять дверей, пять замков, пять арестованных». Проверка, прогулка, чай. Длинный, длинный вечер.

27 января пятн. Писал Арочке письмо о книгах - Из Соловьева История госуд. росс.: около 1215 годов в Новгороде голод: кадь ржи 10 гривен, овса 3 гривны, воз репы 2 гр. Бедные люди ели сосновую кору, липовый лист, мох.—Являлся помощник тюремнаго инспектора Гофланд, спрашивал, не может ли чем служить? Я просил о дозволении мне работать. Начальник тюрьмы приходил прощаться - завтра его сменяет другой. Водили гулять. Для кипятка добыли самовар, прежде воду брали из общего котла, заметили грязь. Теперь для нас ставят самовар в коридоре.

1127 года Новгородская область страдала от голода: ели лист липовый, кору березовую, солому, мох.

28 января субб. Снова пишу о книгах. Начальства у нас бывает много; все спрашивают, чем могут служить, а просьбы мои исполняются очень медленно и не все. Сегодня опять пишу Арочке письмо о книгах—это уже третье письмо.

Вызывали в контору, приходил помошник упр. Гос. Им. В. А. Энгельфельд с моими делами—обидное чувство насильного отнятия моих дел управлением сильно меня взволновало. Вентцерт и Сысолов временно устранены от должности, но оставлены пока в школе. Попечитель подал отзыв, уходит. Итак, все разорено.

Смена начальников тюрьмы. Поверка сегодня опоздала. Гуляли. Ванна. Водят по одному. Готовит воду и оказывает услуги при мытье арестант; присутствует надзиратель. Весь вечер голова болит, нервная боль, общее недомогание ничего не делается. Получил книги и работу—колосья пшеницы.

29 января воскр. 10-й день заключения. Душно, жарко, безотрадно. Принесли стол для занятий. Покрыл его полученной из дома скатертью, положил книги. Камера приняла другой вид. Начал выборки из Кернера—биологические особенности растений. Прогулка, занятия, смена часовых через два часа: «пять замков, пять дверей, пять арестованных, говорить не давай, сам не говори, передавать ничего нельзя».

30 января понед. Стучит в дверь пальцем А. Н. Ушаков, отпирают умываться. Ставят самовар, около 7 часов, за ним я, Уфимцев И. Я. День начинает входить в обычную колею. Вызывали в контору. Генерал-губ. прислал уведомление от 30 января 1906 г. об устранении от должности меня, Ушакова и Рожковского на время военного положения. Требовали расписаться, что читал. Чувство обиды взволновало на некоторое время. Неужели этим кончается моя деятельность в губернии, так же насильственно, как в Красноуфимске, а отчасти и Перми. Но что было ни по чем в то время, теперь уже не совсем все равно. Но скоро волнение улеглось и я уже спокойно занимался Кернером. Прогулка, чай, занятие, спать.

31 января вторн. Утром к Ф. Н. Рожковскому приходила зачем то целая компания с офицером Захаровым, давшим часовому и надзирателю повод побеседовать о грабежах в армии, о кварталах домов, приобретенных Захаровым. Гулять нас повели почему то в 11 часов утра. Оказалось, по просьбе товарищей нас будут водить гулять два раза в день. Делал выборки из Кернера. Начал счет зерен в пшенице. Становится тягостно.

1 февраля среда. Утром отпускали гулять. Чудное утро. Голуби на карнизе белого здания замка греются в ярких лучах солнца. Стаи веселых воробьев. Деревья во дворике тюрьмы, покрытые куржаком, а тут.... царем быть отдану во власть врагу царя на поруганье.... По случаю всенощной в тюремной церкви проверка приводилась лиш в 6 часов, после дали погулять. Утром приходил С. М. Кевлич спросить, не нужно ли чего. Приятно видеть, человека с воли. Мыли полы арестантки.

2 февраля четв. Сретение. Вчера прошло ровно две недели со времени ареста. По словам товарища прокурора только на этот срок жандарм мог арестовать, далее должен был передать дело прокурорскому надзору и лишь генерал губ. может продлить арест еще на две недели. Видимо, наш кукольный генерал губернатор не откажет себе в удовольствии этим воспользоваться и нам предстоит еще две недели заключения без суда и следствия: вот тебе и неприкосновенность личности. «жалует царь, да не жалует псарь».

В 11 часов водил гулять. Затем вдруг А. П. Трухин—фельдфебель—приходит за А. А. Лешинским на свидание. Новость в нашем положении. Затем идут А. Н. Ушаков, И. Я. Уфимцев. Меня не зовут. Почему? Трухин сообщает, что все семьи оповещены, что сегодня могут являться на свидание. Нервное чувство ожидания. Наконец: «одевайтесь, пожалуйте на

свидание». Она в канторе. В первой комнате толпятся женщины, дети; в следующей противная фигура жандарм. полковника. Куда?—Прямо. Там сидят жена, два мальчика Коля и Юра. Свидание в присутствии и под испытующим глазом жандарма и канцелярии. Полковник у стола, поворотившись к нам, а возле вахмистр, вероятно готовый предупредить какую нибудь передачу. И жена и дети имеют жалкий вид. Она с нервно напряженным лицом. Коля худой бледный. Юрий по обыкновению безучастно смотрящий. Их неряшливый вид и растерянность жены, на которую по ее нервности нельзя положиться —все это производит тоскливое угнетающее чувство и при том все это в тюрьме. Говорят, свидания будут по четвергам. Ф. Н. Рожковский по обыкновению узнал больше. Распоряжения губернатора держать нас две недели еще нет, а получено из Петербурга распоряжение держать нас, пока не разберется дело. Утешительного очень мало. Ради нас шевелиться толстый полковник не станет. Ко мне в камеру после свидания почти в след за мной пришел начальник тюрьмы с почтовыми на мое имя повестками и по требованию жандарма предлагал мне написать на них доверенность на получение писем через жандармск. полковника. Я отказался: если у него есть сила, может ею пользоваться, а мне нет интереса ввязывать его имя в свои дела.

Итак, с совершенной неизвестностью начинаем новый период жизни.

3 февраля пятн. Проверил отчет Земеля и написал Омскому Управлению Гос. Им., что отстранен от должности. В 10 с 1/2 часов прогулка. Счет зерен в колосьях. Приходил губернский прокурор Сергеев, предоставивший возможность с ним говорить. На мои вопросы, в каком положении мое дело? когда я узнаю, за что здесь сижу? об'яснил, что пока все дело идет в порядке охраны. Насколько он познакомился с тем материалом, какой жандармский передает ему в качестве обличительного, в нем он еще нигде не нашел указаний на преступное деяние. По особому сношению с Министр. Вн. дел жандармскому полковнику предоставлено держать нас в тюрьме до окончания дела, а оно должно быть переслано в Петербург по рассмотрении жандарма и губ-ра с их заключением. Поэтому, если губернатор найдет материал достаточно серьезным, то дело мимо суда будет направлено в Петербург, хотя бы прокуратура и не нашла в нем следов преступления. На мой вопрос, как же в этом случае «неприкосновенность личности»? он несколько смутился, но пояснил, что губерния на военном положении и потому в ней дела идут не в обычном порядке, а в порядке охраны и потому нас могут держать в тюрьме. На мой вопрос, заботится ли кто о нашей судьбе, не затянет ли жандармский производство дела? прокурор сообщил, что сам следит за ходом дела, за тем, чтобы соблюдены были законные сроки, жандарм обещал ему, что в течение месяца закончит дело и на днях будет допрашивать нас. Сообщил, что по аналогичному делу в Тюмени он уже по первым материалам выяснил наличность преступного деяния и делу дан судебный ход. Я поблагодарил его за раз'яснение и свидание кончилось. Затем вскоре в камеру пришел генер. губ. А. Н. Тройницкий. Перекинулись с ним несколькими шутливыми фразами и благодушно попрощались. Затем он заходил в камеру Ушакова. Зачем он был у нас осталось неизвестным. А. А. Лещинский просил прокурора разрешить открыть камеры и тот обещался. Страшная жара и духота в камере вызвала головную боль. Вечер прошел бесполезно.

4 февраля суббота. К ночи вечера голова так разболелась, что я не мог места себе найти. Болезнь обычного характера—страшная боль в области затылка и позыв на рвоту. М. б. в числе причин и волнение от сви-

дания с прокурором и губернатором. Плохо же дело, если нервность будет развиваться. Утром Трухин об'явил, что поставщик молока отказался доставлять его нам. Утром неожиданный обыск: начальник, надзиратель и фельдфебель все перерыли, пересмотрели. Начальник об'явил, что такой осмотр полагается ежедневно. Ужасно тяжелое впечатление он производит. Вся эта строгость по отношению к нам кажется забавной по несоответствию с важностью «преступников». Сколько народу зря около нас томится в положение худшем чем мы: часовой, несчастные надзиратели, сменяющиеся через восемь часов. Восемь часов провести без дела в коридоре, запирая и отпирая двери. Прогулка утром и вечером. Ванна. Из дома получил и от жены и от детей очень теплые письма, белье. Юра пишет небрежно, но стилистически очень правельно.

5 февр. 1906 воскр. Утром чай, приход Трухина—нет ли поручений, прогулка 15 минут. А. Н. Ушакова увели в контору. Обед. Проверка. Прогулка. Посещение Трухина—что нужно к завтрому? Чай. Работа. С утра до 3 часов занимаюсь счетом зерен в колосьях пшеницы; после вечернего чая Кернером. В общем сплошных занятий около 9 часов. Остальное идет на чай, обед, отдых, чтение за чаем. Говорят Сысолов в тюрьме. Новые аресты в городе.

6 февр. Понед. День прошел совершенно так, как предыдущие. Приходил С. М. Кевлич, приглашенный А. А. Лещинским. Занимался около 9 часов. Глаза устают.

7 февр. Втор. Пожалуйте на прогулку -было возглашено лишь в 12 часов, затем вечером в 5 с 1/2; я выхожу обыкновенно первый. Слежу по часам, чтобы не прогулять минутой больше 15-ти, а то из дверей корпуса надзиратель заявляет: «пожалуйте». Прогулка вечером назначается после проверки. Когда я гуляю, на соседнем дворе слышен свисток и «смирно...о!» Это значит проверка идет там. Вечером, наконец, начали допрос. Допрашивали И. Я. Уфимцева, А. А. Лещинского. Завтра мой черед.

8 февраля среда. Сегодня вызывали к допросу Ф. Н. Рожковского. Кутлера уволили, и тоже Кауфмана, половина министерства разогнана—передает со слов жандарма Рожковский. Вечером ванна. Верещагина выпустили и он взял заграничный паспорт. Проколейко три дня продержали—выехал из города. Сегодня чувствуется какое-то утомление, работал через силу.

9 февраля чет. И вечер вчера и ночь провел в каком-то тревожном настроении—скорей бы все это чем нибудь кончалось. В 10 с половиною часов прогулка. В 12 часов «свиданье». Приходила Арочка со всеми ребятами. Я думал, что на Нюрку люди в формах и напряженное всех состояние подействует угнетающе—нет; она чувствовала совсем свободно; Надю заинтересовало мое сообщение, что за мною нянька ходит; а где эта нянька? Свидание под двойным надзором моей «няньки» А. В. Трухина и жандармского вахмистра, а в дали еще и начальника тюрьмы. Свидание длится 15 минут, по истечении которых наши надзиратели уже начинают беспокоиться и посматривать на часы. Входя видел Шуру Суханова, а выходя Павла Башкова. Едва успел возвратиться, опять гремит ключ в замке, дверь отворяется, зовут в контору. В. А. Энгельфельд с делами. Сколько дел наделал генерал губерн. своими нелепыми распоряжениями. Тобольская школа совершенно расорена, а как было славно налаживалось там дело. Весь день сегодня не могу направиться: как-то скучно становится. Вечером с горя попробовал заговорить с соседями и вот все уставились в отверстия своих дверей; начались переговоры, пока нас не заставил умолкнуть над-

зиратель. Когда-то нас отомкнут. Слышно ушел Кутлер, т. к. его проэкт о прирезке земли крестьянам не прошел. Уходит или удален Кауфман, разработывавший этот проэкт.

10 февраля пятн. Наконец сегодня в 2 часа дня позвали на допрос к жандармск. полковнику в контору. Не успел я написать ответы на первые вопросы о звании, родителях, семье и пр., как явился Дунин-Горкевич на свидание, которое и произошло в присутствии полковника. Приходили условиться о печатании статьи о кобылках в Ежегоднике. Далее возобновился продолжительный допрос. Сначала я должен был записать о с'езде; как он возник, о секретариате, заседаниях его; о составленных нами программах, о переговорах с губернатором, о поездке в Сосновское общ. Бегишевской в.; о том, что я там говорил крестьянам (этот эпизод жандарму известен не был и он уцепился за него после моего упоминания о поездке). В самом с'езде его интересовало лиш, почему не служили молебнов в начале с'езда и в конце. Об'яснял ли и кто манифест крестьянам. Читал ли Лещинский сказку о головотяпах, почему не исполнили желания крестьян о посылке Государю телеграммы. Далее им пред'явлен был ряд писем и бумаг: прежде всего он поразил меня какой-то на папиросной бумаге копией письма о случае в Семеновском полку, когда солдаты отказались кого-то сечь. Потом тетрадку донесения к гражданскому губернатору на Кавказе о духоборах. Тут-то я и вспомнил в чем деле: это из пакета с бумагами, доставшимися мне с севера, заключающими переписку с духоборами. Затем письмо жены к брату неотправленное, где она пишет о своих яко бы раз'ездах по деревням с об'яснением манифеста; любопытно при этом что прибавлено с ребятами хороши раз'езды. Мое письмо к ней из Кургана, где я описываю впечатления, оставленные на Курганцах агитатором. Мой отпуск письма Варе, где я расфилософствовался о своем настроении, о том, что втянулся в политику, что с'ездом вызвано даже военное положение, что служба меня тяготит, что лучшим сейчас положением я считаю положение рабочего. Черновик постановления совета сел. хоз. школы о неутверждении преподователем Великошевского; это особенно подчеркивал полковник. Отпуск письма В. и черновик постановления выглажены и подклеены, так что их не скоро своими признал - взяты при обыске из корзины под столом. Старинное письмо Балакшина о молодой партии в курган. сел. хоз. обществе. Письмо мое к В. Ф. Костюрину о петиции по вопросу о цензуре Спб. Листка. Наконец номер журнала «Освобождение», какая-то гектографированная брошюра Горького. «Вот за одно это бы в прежнее время вы были бы наказаны, ну, нынче нахождение одного экземпляра запрещенной литературы в преступление не вменяется. Между прочим частный вопрос: «не скажите ли, где можно приобретать нелегальные заграничные издания? Никак не могу достать.» Наконец, мне пред'явлены были два листочка, о нахождении которых у себя я и не подозревал—какая-то прокламация к сибирским рабочим и 12 пунктов «Сибир. Листка», но напечатанных в типографии Сунгурова. Полковник уверил, что этот листок найден у всех секретарей. Общее впечатление от распросов и пред'явленного мне материала, что полковник толком бумаг не пересмотрел, привязывается к мелочам и случайным фактам, а истинного характера дела не попытался выяснить. Отыскивая лишь документы, могущие компрометировать, он отбрасывал все, что могло характеризовать действительные взгляды мои на дело; так в делах он нашел набросанный черновик плана речи, которую я собирался сказать при открытии с'езда; записку Уфимцева ко мне, где ясно видно, что ничем «преступным» он не задавал-

ся, но эти документы к делу не приобщены. Начиная и оканчивая допрос, полковник остался при мнении, что организация Тобольского с'езда находилась в связи с российским и что резолюции с'езда были нами подсказаны крестьянам. Спрашивал, не приходила ли ко мне барышня Закржевская собирать деньги на политических ссыльных: «служит у Барта в Казенной Палате». Состою ли я членом союза тобольских рабочих, союза гражданской свободы, тобольского сельско-хоз. общества. От жандармского узнал, что председатель Томского окружного суда Витте—брата премьер-министра—прогнали. Что прогнали (его выражение) Кутлера и Кауфмана—Суворин указал, что жиды взялись русскую землю делить. Что в Тобольскую губ. Березовский уезд и Сургутский выслано до 40 человек, в том числе 3 агронома. Что опубликован закон о какой-то страже, подведомственной жандармскому управлению. Что на каждые 5 ссыльных назначен один стражник. Что в Тюмени арестованы Перфильев и Назаров. Что в Ялуторовском и Ишимском уездах крестьяне рубят леса и туда направлены войска. Что он испросил в Петербурге разрешение продлить срок, определенный на производство дознания по нашему делу и поэтому может тянуть его до года. Что дознание с отзывом ген. губ. пойдет в Петербург и оттуда последует или полное освобождение или поднадзорная высылка на год-два. Что суд в это дело вязаться не будет. На мой вопрос, долго ли нам дожидаться решения участи, ответил что самое меньшее недели три, а то и месяц.

Наконец я должен был дать об'яснение, чем об'яснить письмо за подписью моею, Ушакова и Лещинского в распорядительный комитет Музея относительно поступка Фролова-Багреева, выразившегося помещением письма в № 1 «Родного Голоса». Допрос кончился в 6 с половиною часов вечера. Возвратился в камеру с головной болью. Да и у всех что-то начинают болеть головы. Судя по отдельным фразам и тону, жандармский очень рад, что губернатор устранен; манифест в городе первый об'явил Пигнатти на фокусах в клубе, потом безграмотный Степанов отправился по деревням об'яснить его крестьянам—вот какие порядки были. Хочется видимо ему захлестнуть еще Барта—председателя Казенной Палаты.

11 февр. субб. Сегодня А. Н. Ушакова позвали к допросу утром и к обеду отпустили, не кончив допроса. По случаю субботы «поверка» позднее в 6 часов и тогда же на прогулку. Очень холодно. Проволока телефона, протянутая над окном, гудит как фабричный свисток. Что то все призамолкли. Да и строгий какой-то солдат сегодня стоял—слова не позволял сказать. Как жалка судьба человека в примитивном бесправном государстве. Вчера я был как будто свободен, а сегодня неизвестно за что под тремя замками в одиночной камере, у дверей которой часовой с ружьем. В перспективе высылка куда нибудь в Обдорск—семья на произвол судьбы. И все это именем царя, хотя и его настоящими врагами.

12 февр. 1906 г. воскр. На прогулку в 9 с половиною часов, большой мороз. Арестант, который ежедневно выносит у нас парашку, колет березовые дрова, поленья с прямой древесиной, колкие с красной сердцевиной. Это, говорит, болотная береза. Свиловатая же с белой сердцевиной—с сухих мест. Морозы. Вот уже несколько дней мы лишены единственного развлечения при прогулке раскланиваться с сидящими за решотками в окнах соседями-товарищами. Мороз совершенно затянул стекла; а у меня окно все время затянуто льдом и я лишен возможности видеть даже клочек неба вот уже 24 дня. Кончаю 2-й том Кернера. Самые интересные главы о способах размножения и об образовании видов. Ни писем, ни по-

сылок нет со вторника так как пятница, суббота и воскресенье по случаю масленицы камера прокурора закрыта.

13 февр. понедел. Сегодня после обеда вызывали А. Н. Ушакова на допрос. Приходил С. М. Кевлич. Вечером мыли пол. За две недели от последней мойки на полу оказался слой хлопьев шерсти. Говорят, прежде здесь хранили шерсть. Как медленно она выпадает из воздуха? Надзиратель же Гладышев называл это «парга»—пыль из воздуха. День прошел обычным порядком. Получил белье из дому, а книг нет.

14 февр. вторн. День похож на предыдущий. Почему-то вечерняя поверка запоздала, была в 6 часов, производил ее фельдфебель Трухин. Поэтому и гуляли уже при огнях. Новая луна. Послал бумагу жандармскому с просьбой содействовать скорейшему доставлению книг. Сегодня, говорят, спрашивали В. Ф. Костюрина.

15 февр. среда. Кончил счет колосьев голоколосой пшеницы. Начал усатую. Поверка по случаю поста и церковной службы поздно. Получил, наконец, книги. Ванна была. Наша публика что то приутихла. А. А. Лещинский захворал, горло заболело. Не слышно шуток и бодрых голосов и это только еще 28 дней, меньше месяца, а что же, когда годы сидят?

16 февр. четверг. Свидание. Слухи о возбужденном состоянии Китая и готовящейся войне. А. Н. Ушаков пишет жалобу Министру внутр. дел, выясняя отношение администрации и союза к съезду. Великопевский подал жалобу на администрацию Мин. вн. дел и в Комитет министров. У меня день прошел вяло. Днем при прогулке любовался прилепленным к углу окна гнездом стрижа.

17 февр. пятн. «Пожалуйте прогуляться» было объявлено сегодня в начале 9-го, когда я еще пил утренний чай. Это надзиратель спешил покончить с дежурством своим и отгулять с нами. Утром же посетил нас г. губернатор Тройницкий с тюремным инспектором гр. Толстым. Спрашивал о здоровье; не пожелаю ли я чего попросить для себя. Я спросил, долго ли будем еще сидеть? Не знает, он еще не получал дознания от жандармского полковника а его нужно будет послать еще в Петербург. Так как приход губернатора приурочивается к последнему дню месяца заключения, то видимо он желал успокоить, что далее наша судьба не в его власти. Потом был С. М. Кевлич. По случаю службы для исповедников, поверка была в 7 часов и прогулка уже при луне. Все что то нездоровится, плохой аппетит: вечером занятия идут вяло.

18 февр. 1906 субб. Утром после меня привели в наш дворик гулять В. Ф. Костюрина. Получил письма из дома. Написал губернатору о присылке корректуры газеты. Всего неприятнее для меня томление часового, стоящего у двери, и надзирателей, их двое, сменяются каждые 8 часов. Подают нам чай, выпускают из камер, топят печи и только. Остальное время тоскуют, бродя по коридору с бол[ь]шими ключами за поясом.

19 февр. воскр. Месяц моему заточению. Мой сосед А. А. Лещинский, А. Н. Ушаков и Ф. Н. Рожковский пишут жалобы в Сенат, в Совет министров. Мое окно начинает оттаивать. Продолжаю считать зерна усатой пшеницы. Начал выборки из Кернера т. 1. день в работе прошел незаметно.

20 февр. понед. К А. А. Лещинскому в обед заходил товарищ прокурора, ничего однако не сумевший ему сообщить нового. Вчера в коридоре поругались надзиратели Бакшеев и Гладышев: последний почти на час опоздал сменить его. А дежурят они так—с 12 часов ночи до 8 утра один, а с 8 час. утра до 4 другой с 4 до 12 опять первый. Часовые сменяются через 3 часа.

21 Февр. вторн. Встали все в обычном порядке: Ушаков, Уфимцев, я, Лещинский, Рожковский поздней. Забыл вчера записать: Ушакова вызывали в контору, получил жалованье за текущий месяц; оказывается, из Петербурга была телеграмма: жалованье выдавать, пока не будут уволены в случае, если окажутся виновными. Написал И. Я. Уфимцеву о взвешивании семян гороха, получив от него принципиальное согласие на эту работу. Письмо пойдет через жандармское управление. Ужасный Гладышев по обыкновению натопил так, что нет возможности существовать. Открыл окно. Рожковский жалуется—скучно. Лещинский говорит, что на нервы одиночество действует. Я же как рыба в воде. Занимался с 8 три четверти до 2 с половиною часов с перерывом на прогулку и завтрак 30 минут и от 7 до 11 часов вечера, при чем около часа за чаем.

22 февр. 1906. среда. Приходил В. А. Энгельфельд с делами. Упорно годами мне приходилось создавать, подбирать людей и в один день все разрушено. Ужасно тяжело. Исполняет обязанности управл. Госуд. Имущ. Вислоцкий ревизор. Энгельфельд исполняет обязанн. губ. агронома. Относительно жалованья получена телеграмма, что выдавать; в управлении придумывают, как выдать —хотят выдать без столовых. Обидно не то, что урезывают: м. б. справедливей было бы совсем не выдавать, но обидно, что заботятся об этом в целях доставить мне больше обиды—поганые людишки. Арестован Жуков по доносу Тюкалинского исправника. Был С. М. Кевлич. Губернатор, говорят, приедет в половине или конце марта. Пишу письмо о расчете с Чарыковым за сел. хоз. обзор ген.-губернатору. Разговор с Энгельфельдом оч. расстроил меня; ко всему он начал доказывать, как это я все зря устроил, что с'езд крестьян кроме вреда ничего не сделал и пр. и пр. То ли вообще сегодня нервы плохи были, но чуствуется неважно. Глаза начали побаливать.

23 ф. четв. Свидание. Мое дело будто бы послано в Петербург; говорят, грозят высылкой Рожковскому, Лещинскому и Ушакову. Если вышлют, то в Архангельскую или Вологодскую гг. Странно, что нас в тюрьме держат в суровом режиме: в Омске, пишет Жуков, совершенно свободно. Камеры открыты, долго гуляют, читают газеты. Разговоры вертелись около этой возможности высылки. Получены сочувственные письма от Ан. Гордягина. При прощании, к моему великому удивлению, Юра отвернулся и нервно зарыдал. Отчего, оттого ли что на него подействовала эта картина отправки по этапу, о которой только что говорили, или это ломается установившаяся, отливщаяся в определ. формы жизнь. Во всяком случае, это было первое серьезное проявление глубокого чувства, и оно меня очень взволновало. Произошло некоторое замешательство, Юра поспешил выйти и я, уже вышедши из конторы, увидел его заплаканным у дверей на дворе. Весь день нахожусь под впечатлением этого эпизода. Когда жена заговорила о своем разговоре с жандармским полковником, жанд. вахмистр перебил, предложив этих вопросов не касаться. Свидание 15 минут. Говорят, в России до 100 т. арестованных. Много выслано в Тобольскую губ. Заходил С. М. Кевлич; вчера отравилась ученица 3 курса фельдшерской школы Бердюгина кокаином. Бедная девушка не нашла примиряющего с жизнью начала и смело открыла дверь в страшное неизвестное. Вечером ванна. Мыли полы. Одним словом день совсем праздничный. Болит голова. Как скверно сложилась жизнь—вся энергия уходит на внешнюю деятельность: детям почти ничего не дается.

24 февр. пятн. День прошол как то вяло; лихорадит. Горчичница возвращенная поваром с горчицей новой, оказалось завернутой в телеграмму

Спб. Листка новую—первое свежее известие из внешнего мира. Попробовал передать ее Рожковскому, оставив в клозете, но кажется, неудачно. Сегодня все написали жандарму прошения об открытии камер. Начал делать ванны для глаз с борной водой.

25 февр. субб. Сегодня день как то неправильно распределился: прогулка утром лиш в 12 часов, поверка вечером почти в 6 часов вместо обычных. Тепло, тает. Арестанты чистили снег с крыш, забросали до половины мое окно. Нет ни книг, ни писем. Заметно все призамолкли, реже раздаются приветствия, попытки разговоров —в камерах тишина.

26 февр. воскресенье, а настроение совсем не праздничное: хотел отметить праздник сокращением работы для глаз, но это безделье так тошно стало, что решил что нибудь да делать, лишь бы не давать воли мрачным мыслям. На дворе совсем тепло, тает, дождь небольшой. В пятницу мне доставили две книги Вестника Евр. 1901 г. Авг. и Сент., интересна ст. Фаресова о М. предшественнике Толстого в учении о непротивлении злу. Так как губернатор после получения дознания не освободил меня, то значит дал неблагоприятное о мне заключение. А если здесь со мной не пожелали церемониться, то в Петербурге не будут и подавно. А следовательно?...

27 февр. понедел. Обычная работа. Беспокойное состояния продолжается, но т. к. после обеда я испытывал легкий озноб, а позднее жар, то, вероятно, это следствие лихорадки. Однако неизвестность судьбы становится тягостной. Семья, гербарий, книги, не говоря уже о разрушенных планах работ. Все приходится бросить не доделанным, точно смерть застигла. Тройницкий о газете не отвечает.

28 февр. вторник. Утром Трухин принес бумагу от жандарма, извещающую в ответ на мою просьбу, что открытие камер зависит не от него, вмешиваться в тюремные порядки он не может. Я назван, как и др., политическим арестантом. Утром же Трухин принес ответ Тройницкого через прокурора, что послать мне корректуру и разрешить печатание NN Отдела считает неудобным. Когда пошла поверка, смотритель тюрьмы на мой вопрос, от кого зависит раскрытие камер, заявил, что и не от него. По тюремному уставу политические арестанты в период следствия содержатся в одиночных камерах. По этому вопросу он был у жандармского и ген-губернатора и ему лиш сказали, что, если я пожелаю, соединить в одной камере может меня и И. Я. Уфимцева. В чем дело? Значит ли это, что наши дела идут иным путем, чем у остальных и к нашей выгоде? От предложения этого я, по соглашению с И. Я. Уфимцевым, отказался, чтобы не нарушать кампании. Наконец вечером Трухин принес для подписи бумагу жандарма, которой он всем заключенным (нет, кажется, фамилий Башкова и Соколова) объявляет, что 27 февр. дознание о нас передал ген. губ-ру и что с этого времени его роль в отношении к нам кончается и мы переходим в ведение прокурорского надзора. Письма, книги будут теперь доставляться через прокурора, а белье передаваться непосредственно в контору тюрьмы. И. Я. Уфимцев, по моей просьбе, занимается взвешиванием семян гороха.

1 март. среда. Утром приходил начальник тюрьмы сообщить, что Тройницкий предложил мне поселиться в одной камере с Ушаковым и что он сам к нам дня через 2-3 приедет указать возможно широких льготы для нас. Я от соединения отказался, прося, чтобы нам лишь разрешили видеться. Лещинский непременно хочет поселиться вместе с Рожковским. Уфимцев сообщил, что он просил, чтобы его выпустили на поруки —ген.-губ. отказал. Лещинский сообщил, что его зять о тобольском эпизоде на-

писал Стаховичу и тот ждет дознание в Петербурге. Вчера я получил письмо, в котором несколько строк было зачеркнуто чернилами; смыв водой чернила, прочел, что в Петербурге партия правового порядка в виду текущих событий приняла ряд резолюций «хороших». До сих пор не могу получить книг для чтения. Ужасная халатность и невнимание к нашим нуждам г. представителя ведомства «осмотра грязного белья». После окончания дневной работы и после обеда в 3 часа лег и заснул крепким сном, что случилось 1-й раз; спал до поверки, которая запоздала и была в 5 с половиною часов. И. Я. Уфимцев чуть ли не в один день окончил взвешивание 1000 семян.

2 март. четв. Не даром я два дня мучусь каким то беспокойством. Сегодня тщетно ждал, когда позовут на свидание. Все перебывали, меня не зовут. Наконец, заходит полковник и передает, что жена уехала в Петербург, что ее допрашивали и что уехала, вероятно, опасаясь, что ее арестуют. Сделала это не посоветовавшись ни с кем, сломя голову. Да, дома не на кого мне положиться. Просил послать ей в догонку в Тюмень телеграмму, чтобы возвратилась. Заходил губернский прокурор. Оказывается, дознания о нас только что переданы губернатору и, вероятно, им скоро будут отправлены в Петербург. Все дело идет административным порядком. Суд ни причем. Что будет писано, какия наказания придуманы — это секрет составителей. Жаловаться можно в Сенат, исходя из содержания вопросов допроса, совокупность коих и может дать представление, что же именно в деле считается преступным По словам прокурора повидимому, мне ставится в вину 1. Устройство крестьянского съезда, который распоряжением министра был закрыт.—Как так?—да, но телеграмма об этом была доставлена в Тобольск после окончания работ съезда. 2. разговор с запасными 1 января в с. Бронниковском. В Сенат можно жаловаться на действия администрации. Сегодня пережил один из сквернейших дней, едва успокоился и к вечеру после ванны. Получил от И. Я. Уфимцева таблицу результатов взвешивания.

3 март. пятн. Ночь не мог уснуть. День начал плохо. За работу еле мог приняться. Около трех часов узнал неожиданную новость жена возвратилась, не доехав до Тюмени, в дороге был припадок. Точно камень с плеч свалился. Ф. Н. Рожковский виделся с Михельсоном. Говорят, Тюкалинский и Ишимский уезды на съездах выбрали меня выборщиком (?) выборы, конечно, не были утверждены, другого выбрать не пожелали (?) Что то совершенно непонятное в этом. В Курганском уезде будто бы выбрали А. Н. Балакшина. Эта возможность выбора, как не далек я был от мысли попасть в Думу, порядочно взволновала меня; новое и страшное ответственное дело дорого мне должно стоит; но с другой стороны теперь и отказываться нет резона: первая моя деятельность как агронома много испорчена предшествующими событиями, разорением тобольской школы, моим арестом. Как то уже тяжело вновь браться за созидание. Должен переменить карьеру и прежде всего дослужить губернии до конца, чтобы с честью покончить расчеты с нею. Слышно, что Фролов-Багр. в Петербурге ездит по министрам, выгораживая нас. О, Иудушка! Казныше обыскивали, он заявил, что секретарствовал с разрешения управляющего. Получил Нансена, историю Соловьева.

4 март. субб. После плохо проведенной ночи днем хотелось отдыхать, тянуло ко сну. Приходил Трухин — пожалуйте — супруга пришла. Вид ужастный, не может удержаться от слез, лицо передергивает, начала целовать меня. Поговорили, она успокоилась, я тоже. Потом я получил почту: оказывается, она миновала, а м. б. и нет жандарма и попала к прокурору,

который, вскрыв и просмотрев прислал ее мне. Телеграмма от К. С. Колма кова с предложением взять жен. на поруки. Нельзя. Я ответил ему и брату Ив. Лук. в успокоительном тоне. Вызывали Рожковского к жене. Он воз- вратился с невеселыми вестями. Тройницкий обявил, что всех высылают, в понедельник, должен ехать Рожковский куда то на север, не ближе 400 верст. Домой не дадут заехать, прямо из тюрьмы. Одним словом—мало ссылки, нужна еще и жестокость, пытка, совершенно ненужная. Ну что же делать, надо выносить удар.

5 марта, воскр. «Как тому взойти, что гнило посеяно» (слова Адашева в Литве). Нервный день. Рожковского высылают в Березов, с ним едет семья. Лешинский передал, что было собрание в помещении окружного суда и кандидатами в выборщики от Тобольска выставлены между прочим Ушаков и я. Свидание. Арочка страшно нервна; говорит, что Б. Тройницкий заяв- вил ей, что меня вышлют. Но Ушаков узнал, что в судьбу нашу вступился Главноупр. Кривошеин и что то писал Тройницкому, а тот телеграфировал и ждет ответа. Поэтому то м. б. он к нам и не [illegible], хотя обещал. ожидая окончательного ответа. Занятия уже на ум не идут. Так день и промаялся. Плохо же у нас на счет самообладанья. Вот А. Н. Ушаков по крайней мере наружно ведет себя молодцом.

6 март. понедел. Утром внезапно объявили И. Я. Уфимцеву, что сего дня в 5 часов его отправляют, чтобы приготовился, куда неизвестно. На- чалась беготня Трухина с чемоданами, покупками и проч. Позднее выясни- лось—отправляют в Кушевал, 80 верст ниже Березова. Лешинского в Н. Лумпокольское, ниже Сургута, туда же Величинского, В. Ф. Костерина в Юган. В Петербурге, будто бы начинается опять забастовка. Относитель- но нас с Ушаковым дело застопорилось, говорят, наш министр отстаивает нас. Был С. М. Кевич. Ставит вопрос, буду ли баллотироваться, т. к. кандидатом намечен. В 6-м часу прощание с Уфимцевым. Помощник началь- ник тюрьмы Предст. разрешил открыть каждую камеру отдельно и распе- ловаться с уезжающим. Увели. Сделалось как то пусто, тоскливо, привык- ли друг к другу. Весь день в писании писем, инструкций. Нервное наст- роение. И. Я. Уфимцев передал, что 40 приказчиков [illegible] к генер. губ. [illegible] просить разрешения проститься—не разрешил, только [illegible] было в конторе повидаться перед отездом. Ушаков отправил телеграмму в 49 слов министру. Тройницкий, не смотря на обещание явится, так и не приходил.

7 март. вторн. В 1-м часу [illegible] увезли А. А. Лешинского. Говорят, вчера высылавшихся провожало 40 человек, должно быть из обр. приказчики Уфимцева. Рожковский передает, что и Ялуторовский уезд выбрал меня выборщиком. Но так ли? Не дали ли наказа выборщикам выбирать меня на губ. избирательном съезде? Присылал Энгельфельд просит оставить ему инструкцию, что делать? Как то не хочется писать, да и [illegible]. Главно- управляющий уже новый—Никольский. Грустно как то стало. Порядки в тюрьме стали свободнее. Энгельфельд уже был пущен в камеру. Разгова- ривали между собою тоже свободнее. Костерин едет в Сургут, Суханов в Сартыньинское.

Первый результат 47 дневного заключения—потеря аппетита, обеда остается более половины, хлеб почти весь. Главное чай, чай с лимоном, сушеными яблоками и сушкой и [illegible]. Да, [illegible] ни- чего утешительного и определенного. Жаловаться на [illegible] на пе- редачу бумаг без моего распоряжения не [illegible], говорит обычная история при обысках и выемках.

8 март. сред. Конец. Утром нам позвонили после отезда Рожковского

перейти в его обширную камеру. Хорошо. Поговорим. Затем А. Н. вызвали к жене. Долго не возвращался. Охватило тоскливое чувство, ноги подкашиваются, усталость страшная, прилег и тяжело задремал. Долго — значит, дело и для нас кончается высылкой. Да. Он в Сургут, я в Березов. Под ответственность жен отпускают на сутки домой с 6 часов утра 9-го до 6 часов утра 10-го, а из дому на лошадей и на север. Прощай тюрьма. 7 недель одиночного заключения.

В тюрьме мне удалось сделать: 1) измерять 1000 колосьев голой пшеницы Курганской: длина колоса, число колосков, число зерен; 2) тоже усатую сибир. пшеницу; 3) сделать выборки из Кернера фон Марилаун о биологич. свойствах упоминаемых там растений Тобольской флоры; 4) написать чтение о выведении новых сортов растений; 5) по моей просьбе И. Я. Уфимцевым произведено взвешивание 1000 горошин; 6) тоже 1000 кедр. орешков.

— — —

С 6 часов утра 9 марта до 5 часов утра 10 марта провел дома под домашним арестом. В кухне сидел полицейский и следил, чтобы ко мне никто не ходил. Как будто между 9 января и 9 марта много времени прошло. Все ново: какое то жуткое чувство — завтра меня не будет; дети, которые сейчас ласкаются ко мне, почувствуют или нет завтра, что отец взят, оторван от них грубой силой. День прошел в сборах. Спать легли поздно. Я не мог ни на минуту уснуть. К утру потребовался прием брома. Встали в 4 с половиною часа. Едва я успел умыться является пом. исправн. Пепеляев — пожалуйста скорей, скорей, уезжайте ради Бога. С вечера решали взять всех детей проводить меня. Утром перерешили, взять только Юру. Мальчик очень нервничает. Вечером перед сном Арочка вошла в его комнату и застала его молящимся: ты что, Юра? Молюсь, чтобы завтра не проспать проводить папу. Все готово. Надо прощаться. В спальне Арюша и Нюрка проснулись. Подхожу к Арюше, она свернулась под одеялом и нервно плачет; плачет тихонько и Нюрка. Надюша и Коля спали крепко. Полиция торопит — пожалуйста скорей. Выезжаем, какой-то народ, барышни — д. б. фельдшерицы прощаются, по Абрамовской улице идут группы семинаристов. Около Ушакова квартиры вся полиция — исправник, помощник, пристав, урядник, стражник. Поклон публике и айда, на облучке с ямщиком примостился урядник, провожавший до Винокурова. Арочка, Юра провожали до Бронниковой. Там напились чаю и окончательно простились. Далее поехали в двух экипажах впереди мы с А. Н. Ушаковым, сзади два стражника нас сопровождающие. 17 марта распрощались с А. Н. Ушаковым и я поехал один со своим стражником - Чусовитиным.

20 марта 1906 г. приехал в Березов, отвели квартиру в д. Шаховой. Компания высланных: Исаак Вениаминович Митковицер — переплетчик, Василий Иванович Ткаченко — агроном, Валериан Павлович Балиев — агроном, Анатолий Аркадиевич Козловский — учитель, Михаил Сергеевич Солопейчик — инженер, Тимофей Власович Власов — учитель, Анна Константиновна Фадеева — учительница, Гаек Томасович Худабашев — инженер, Василий Васильевич Тулузаков — инженер, Степан Гаврилович Говоров — юрист, Анатолий Никандрович Полидоров, Екатерина Сергеевна — его жена, Алексей Степанович Суханов, Павел Степанович Суханов с сыном Андреем, Фаддей Николаевич Рожковский, Татьяна Ивановна Рожковская, Борис Антонович Ошмянский — архитектор.

29 марта. В полицейском управлении оказались посемейные списки, новые для всего уезда. Я решил при содействии ссыльных товарищей их обработать. Составил формы.

6 апр. Вчера собрание коммуны, кончившееся расколом. Баллотировался вопрос, допускать ли личное знакомство членов коммуны с полицией? Пять голосов, я в том числе, высказались против. Выхожу из организации.

18 апр. Наша колония, кроме Тоболякова, А. К. Фаддеевой, праздновала 1-е мая. В 2 часа вышли из квартиры с песней и двумя флагами: красным и черным, по направлению к лесу, к лощине. Полиция всполошилась. Вызвали на площадь солдат, стоявших бивуаком. При обратном возвращении манифестантов солдаты пением и барабанным боем заглушали или старались заглушить похоронный марш, с которым компания входила в квартиру. Слава Богу, исправник достаточно тактичен и все кончилось мирно и тихо. Вечером до часу в квартире собрались все, закусывали, вспоминая пережитое и т. п.

30 июня 1906 г. выехал из Березова в Тобольск.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

В 70-х гг. прошлого столетия в Костромской губ. среди крестьян и учащихся уже велась спорадически представителями тогдашних революционных организаций (гл. обр., партией „Земля и Воля") и, что, вероятно, случалось чаще, революционными одиночками революционная пропаганда.

Иногда эта пропаганда затрагивала и городских рабочих — к рабочим попадала революционная литература; более того, в отдельных случаях делались попытки агитации среди рабочих на почве их непосредственных ближайших нужд. Как ни малы и случайны были все эти попытки революционного воздействия на рабочих, все же они представляют значительный интерес, так как несомненно имели свою долю влияния на постепенное развитие рабочего движения в Костромском крае. В настоящем беглом очерке мы приводим два любопытных документа, имеющих отношение к революционной работе среди Костромских рабочих в эпоху 70-х годов.

Первый документ, извлеченный нами из „Наряда бумаг краткого производства канц. Костр. губ-ра по части секретной за 1877 год. № 2" (хран. в архиве Костр. Научн. Об-ва), воспроизводится ниже полностью:

„Совершенно секретно. Его Пр-ству г-ну Костр. губ-ру Костр. полицмейстера рапорт. 26-го сего февр., в 7 ч. веч. конторщик ф-ки Зотова Федор Еммануилов Николаев представил помощнику пристава 2 части Яблокову книжку „Емелька Пугачев" и заявил, что эту книжку он, Николаев, отобрал от работающего на ф-ке кр-нина Влад. губ. Юрьевского у. дер. Зимниц Бориса Никол. Анналина и что книжку эту читали р-ие ф-ки и много смеялись, а т. к. названная книжка находится в числе запрещенных изданий, то посему помощник пристава Яблоков того же числа сообщил с препровождением помянутого издания г. нач-ку Костр. губ. жанд. упр-ия полковнику Чалееву и одновременно с сим уведомил г. прокурора окружного суда для зависящих распоряжений по сему предмету. Об этом честь имею донести Вашему Пр-ству. Полицмейстер . . . . . . № 160. 27 февр. 1877 г. (л. 16-й).

Мы видим т. обр. что и на Зотовскую ф-ку попадали к р-м революционные издания вроде „Емельки Пугачева", и рабочие не только их читали, но они, видимо, производили на них впечатление („много смеялись").

Из „Наряда бумаг по секретной части за 1879 г." (также по канц. Костр. губ-ра) нами извлечен другой, более интересный, документ, имеющий, как нам представляется, связь с одним из первых проявлений рабочего движения в Костроме в 70-х гг. Документ этот также воспроизводится нами полностью (см. л. 67-й):

„Его Пр-ству г-ну Костр. губ-ру Костромского уездного исправника рапорт. Становой пристав 1-го стана Костр. уезда, при рапорте от 26 числа сего апреля за № 15 представил отставного колеж. регистратора Ивана Северьянова Альтовского, донес, что назад тому третий месяц пристав не имел для занятия письмоводством при становой квартире писца, а 12 сего апреля явился к нему с изготовленным на его имя письмом г. Альтовский.

к-рый стал просить пристава принять его для письмоводства, причем представил о звании своем свидетельство Костр. город. полицейского управления от 17 авг. 1878 г. за № 12025. Пристав согласился принять его на испытание, и Альтовский занимался письмоводством с 23 апреля. В отсутствие пристава в г. Кострому по делам службы в становую квартиру явился проживающий Белореченской вол. в дер. Демидове Судиславский мещанин Терентий Данилов Петров по посланному ранее приказу с платежом денег 12 р. 31½ к., израсходованных в 1878 г. и д. Ветлуж. уездн. землемера Горским. Пользуясь отсутствием пристава Альтовский, получил от Петрова те деньги и выдал расписку. 24-го числа пристав, возвратясь из Костромы, Альтовского при занятиях письмоводством не нашел, и на другой день, т. е. 25 числа он не являлся, из чего пристав, заключая, что Альтовский пьянствует на полученные им деньги, приказал Судиславскому полицейскому сотскому Влад. Баранову и десятским Захарову и Цветкову отыскать Альтовского и тотчас отобрать от него полученные им деньги, буде у него, Альтовского, таковые в остатке. Сотский и десятские Альтовского отыскали в трактирном заведении, содержимом кр. Богословской вол. дер. Горюшек Ив. Козловым, что было 25 числа в 10 ч. веч., но нашли при нем, Альтовском, денег только 63 к., и вместе с тем в кармане сюртука Альтовского нашли его, Альтовского, рукою писанное возмутительное воззвание к рабочим и листок со стихами, начинающийся: „Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский,“ вследствие чего письмо Альтовского на имя пристава, свидетельство № 12025, воззвание к рабочим и стихи, а равно и сам Альтовский, как об'яснено выше, представлены ко мне. О чем имею честь донести Вашему Пр-ству и присовокупить, что Альтовский вместе с сим отправлен к смотрителю Костромского тюремного замка за № . . . для содержания в отдельной от прочих камере, производство же вместе с отобранными стихами и воззванием передано к нач-ку Костр. губ. жанд. упр-ия и донесено г. прокурору Костр. Окр. суда, при чем прилагаю копии с отобранных от Альтовского воззвания к р-м и с шифрованных *) стихов. При чем не лишним также считаю присовокупить, что Альтовский находился *на Шиповском в Костроме заводе* с намерением учиться слесарному мастерству, но по тяжести сего ремесла отказался. Это видно из письма, собственноручно писанного Альтовским к приставу 1-го стана о принятии его на службу. Состоящий по м-ву в должн. уездного исправника Ч . . . . . . № 8. 26 апреля 1879“.

Отобранные у Альтовского стихи были следующего содержания:

„ Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский
Суди, судья, но проще, но скорей,
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей!
Крестьянские вериги вместо платья
Одев и сняв преступно башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд и бедняки.
Застигнута на месте преступленья
С „ поличным “ и на суд привезена;
Зачем же тут свидетели и пренья!
Ведь я кругом уличена.
Оставь, судья, ненужные допросы,
Взгляни, я вся в уликах, на плечах

*) Очевидно, набранных шрифтом.

Мужицкая одежда, ноги босы,
Видны мозоли на руках.
Тяжелою работой я разбита,
И знаешь ли?, в душе моей на дне
Тягчайшая из всех улик' сокрыта:
Любовь к родной (родимой?) стороне.
Но (знай) и то, что, как я ни преступна,
Ты надо мной бессилен, мой судья.
Нет, я суровой каре не доступна,
И победишь не ты, а я.
«Пожизненно» меня ты похоронишь,
Но мой недуг уж написал протест,
И мне грозит, сам видишь ты и знаешь,
Лишь кратковременный арест,
А я умру все с тою же любовью,
И, уронив тюремные ключи,
С молитвою приникнут к изголовью
И зарыдают палачи!....»

882. 12 марта 1877 г. печатано 329 экземпляров"

Проникнутое определенным, тогда переживавшимся русской революционной молодежью настроением, это стихотворение характерно для эпохи так называемого хождения в народ. В общем в духе тех же настроений написано и воззвание к рабочим, отобранное у того же Альтовского, но в нем есть некоторые любопытные черточки, к-рые мы ниже отметим.

Воззвание это следующего содержания:

„Братья-труженики! Осмотритесь вокруг себя да внимательнее, с сознанием, что вы люди, а не рабочий скот,-то увидите, что вся и все живет на ваш счет; начиная от большого барина до его последнего безмозглого холопа, нежится и жиреет твоим потом и кровью. Неужели никогда не приходило вам в голову, что все, что есть лучшего, принадлежит вам, как достояние ваше, созданное кровавым трудом нашим; а между тем кто им пользуется? Богачи, обжоры, тунеядцы, проводящие жизнь в неге и праздности! Неужели никогда не приходило вам на мысль, что *завод*, на к-ром мы работаем, есть собственность ваша, созданная трудами рук ваших, а между тем доходами и выгодами от него пользуется один только человек: вы же довольствуетесь грошевой подачкой, да и ту *нередко выдают через два месяца в третий*, и вы все это переносите терпеливо и молчаливо. Или уже вы настолько свыкнулись с вашим положением, что лучшего в жизни не желаете иметь, или уже чувства ваши настолько притупились, что лучшего, чем вы довольствуетесь, воспринимать не могут, и вы смотрите на все, как вас грабят, и живете, равнодушно махнувши рукой. Неужели наконец никому из вас не приходило в голову, что кулакам капиталистам должен настать конец эксплуататарству вашего труда и ожирения на ваш счет, так как капитал, к-рым они владеют, нажит грабежом вас, тружеников, и потому безусловно должен принадлежать вам.

Пусть *хозяин завода* пользуется на затраченный капитал 15-20%, с него и этого будет слишком много; *завод же* и все, что в нем есть, должно принадлежать вам по праву собственности вашей, а с тем вместе и доходы, получаемые с него, за выдачею хозяину эксплуататору известного процента, должны быть разделены между вами поровну, равно и управление заводом, как вашей собственности, должно вырвать из рук эксплуататоров и взять в собственные руки. Долой эксплуататоров хозяев! Прочь дирек-

тора и подобных ему мошенников! Будем сами распоряжаться нашим трудом».

Подчеркнутые нами места как в рапорте исправника, так и в воззвании не оставляют сомнения, что возвание это, обращенное к рабочим завода, писанное рукою Альтовского, ранее бывшего на Шиповском заводе в Костроме в обучении слесарному ремеслу—именно и назначалось для р-х этого завода.

На это указывает также конкретная чёрточка, вплетённая в общие рассуждения прокламации. В воззвании подчеркивается, что нередко зараб. плату выдают чрез два месяца в третий. Так оно в действительности в это время и было на Шиповском заводе, переживавшем тогда финансовый кризис. Более того: можно указать, что именно на почве затягивания расчета с рабочим, среди последних существовало и проявлялось в открытых формах известное брожение, и, повидимому, далеко не случайно прокламация так нарочито останавливалась на нередкой выдаче заработки рабочим через два месяца в третий.

История Шиповского завода, сыгравшего крупную роль в развитии фабричной промышленности Центрального промышленного района, вкратце представляется в следующем виде *)

Завод этот был устроен в 1852 г. Д. П. Шиповым по проекту инженер-технолога Вазинского, долгое время управлявшего этим заводом. Устраивая завод, Шипов, вначале имел в виду приспособить его специально для изготовления медных тянутых валов для ситцепечатных машин, на что и получил в 1852 г. пятилетнюю привилегию. Вначале это было очень скромное заведение в виде небольшой меднолитейной кузницы на два горна. Но так как возникновение завода совпало с периодом замены на ситцевых ф-х ручного печатания машинным и вообще с ростом крупного производства в разных отраслях промышленности, то дело, организованное Шиповым, начало быстро разростаться. Помимо заказов на валы от многих ф-нтов посыпались требования и на разного рода чугунную отливку; Шипов постепенно пристраивает к меднолитейне чугунно-литейню, гвоздильное отделение, пароходную верфь,—в короткий срок вырастает крупнейший механический завод с числом р-х, меняющимся от 800 и до 1400 чел. „Не более как через два года (после основания)-говорится в названном выше „Ист.-стат. обзоре промышленности России“ (стр. 13)-завод этот, заказав на заводе герцога Лейхтенбергского серию машинных станков, уже начал переходить на машиностроительную деятельность и на постройку пароходов, в виду развившегося употребления их на Волге“

Уже в 1853 г. на заводе работала паровая машина в 14 сил, отливались и гравировались для Ивановских ф-к ситцепечатные медные валы, ранее выписывавшиеся из Англии, делались приводы или шкивы, зубчатые колеса, паровые котлы, льнотрепальные и паровые машины, трубы для унтермарковских печей, плиты для полов и лестниц, насосы, памятники, решетки, наковальни и проч.

В 1858 г. сумма производства достигала 700 тыс. руб., в т. ч. было выработано: пароходов на 334 тыс. р., паровых, машин на 180 тыс. р., колон, балок, решеток, зубчатых колес на 100 тыс. р., медной отливки и

*) Нижеприводимые исторические сведения взяты из статьи «Основные черты в развитии крупной промышленности в Костр. губ. в дореформенное время» в Трудах Костр. Научн. О-ва, вып. I, стр. 104—105. См. также «Истор—стат. обзор промышленности России,» изд. под ред. Д. А. Тимирязева к «Всерос. промышленно-художеств. выставке 1882 г. в Москве»—статья «Машины, аппараты и экипажи», стр. 13. Отметим кстати, что по последнему источнику завод основан не в 1852 г., а в 1851 году.

медных труб на 20 тыс. р. В начале 1858 г. на заводе была вовсе прекращена выделка ситцепечатных валов, а гвоздильная мастерская перенесена на купленный Шиповым Илевско-Вознесенскй чугунный и железоделательный завод в Ардатовском уезде. В 1860 г. на заводе Шипова работало 761 раб., получавших 130—180 тыс. р. жалованья; сумма пр-ва достигала 662 тыс. р. серебр., на заводе действовали 4 паровые машины в 40 сил.

В 1879 г. на этом заводе, по свед. о ф-х и з-х Костр. губ. за 1879 г., собранным Пироговым, работал 931 раб., в т. ч. взрослых мужчин 802, женщин 2 и подростков муж. пола в возрасте 12-18—127. На заводе в этом году значилось 6 паровых машин (в 112 лошадинных сил) и 2 локомобиля (8 лошад. сил).

В конце 70-х гг., т. е. как раз в тот период, к которому относится история с Альтовским, деятельность завода клонится к упадку. Финансовое положение, завода, как кажется, в связи с неудачными поставками на армию во время русско-турецкой войны, пошатнулось. Это пошатнувшееся финансовое положение привело к закрытию завода уже в начале 80-х год. По так называемым «всеподданнейшим отчетам по Костр. губ.» на механическом заводе Шипова числилось:

	Рабочих.	Сумма пр-ва (рублей)
в 1872 г.	894	667,360
в 1879 г.	905	699,215
в 1881 г.	880	699.215
в 1883 г.	720	192,327

С ухудшением дел завода зараб. плата начала выдаваться с большими задержками, так что в 1878 г. на этой почве возникли даже волнения рабочих, насколько нам известно, первые в этот период среди р-х Костромы. Об этих первых волнениях можно почерпнуть некоторые сведения у Прокоповича («К рабочему вопросу в России», стр. 57-58).

В 1878 г.—говорит Прокопович—«на механическом заводе Шипова в Костроме р-м не выдавалась зараб. плата в течении 2-х месяцев; нужные продукты они получали по талонам из конторы в фабричной лавке по повышенной цене, не всегда хорошего качества. К тому же, в лавке имелось не все нужное для р-х, так что рабочим случалось брать какой-либо товар в лавке и продавать его с убытком на стороне, чтобы купить нужную вещь. 19 и 21 августа, собравшись в числе нескольких сот человек на заводском дворе перед зданием конторы и смастерив из кусков рогожи флаг, р-ие с громкими криками: «Шипов прогорел»!—требовали выдачи заработанных денег и установления расчетов 2 раза в месяц, чтобы иметь возможность покупать нужные припасы на стороне по вольной цене».

Мы видим таким образом, что задержка выдачи зараб. платы втечение целых двух месяцев, на что указывает возвание, найденное у Альтовского, не только действительно имело место на заводе Шипова, но даже послужило поводом для своеобразной демонстрации р-х с самодельными флагами из рогожи. Демонстрация эта была в августе 1878 г. Воззвание к р-м было найдено у Альтовского в апреле 1879 г. Возможно, что это был подлинный черновик воззвания, выпущенного революционерами к р-м завода Шипова перед августом 1878 г., если только таковое воззвание действительно выпускалось, а вероятнее всего—то был проект воззвания, составленный уже после августовских событий 1878 г. Волнения р-х на заводе Шипова в августе 1878 г. не могли пройти незамеченными для революционеров—и вот с их стороны ответ на эти события—воззвание к р-м.

Евг. Дюбюк.

Издания Костромского Научного Общества по изучению местного края в 1921 году:

1. Отчет о деятельности Костр. Науч. Оащества в 1921 году. 48 стр.

2. Труды, вып. XX. Содержание: Г. Еремин—Метеорологический Ежегодник за 1919 г. 22+1 стр.

3. Труды, вып. XXI. Содержание: Л. Казаринов—Город Судай, Архангелогородской губернии (печатается).

4. Труды, вып. XXII. Содержание: П. Макарьев—Фабрично-заводская промышленности Костр. губ. накануне мировой войны 101 стр.+2 диагр. и карта.

5. Труды, вып. XXIII. Содержание: Е. Дюбюк—Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине XIX века. 173+III стр.

6. Труды, вып. XXIV. Содержание: И. Правдин—Руководящие указанию к изучению ихтиофауны Костромского края. 50 стр.+3 рис.

7. Труды, вып. XIII. Второй исторический сборник. 326 стр.

Библиотека общественных движений в России в XIX и XX в.

Вып. 1. Записки П. Черевина (новые материалы по делу Каракозовцев). Костр. 1918 г. 42 стр.

Вып. 2. Записки предателя П. Гребнева. Костр. 1918 г. 79 стр.

Вып. 3. Воспоминания П. Черевина. 1863—1865 гг. Костр. 1920 г., 76 стр.

Вып. 4. Из материалов по истории подпольной библиотеки и тайного кружка Владимирской семинарии. Записки Н. Л. Скалозубова о тюрьме и ссылке. Из материалов по начальной истории Костромского рабочего движения. Костр. 1921 г., 48+IIстр.

Склад изданий—Кострома. Музей местного края.
